

Райчел Мид
Серебряные тени
Серия «Академия вампиров»
Серия «Кровные узы», книга 5

текст предоставлен издательством "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17202185
Райчел Мид. Академия вампиров. Кровные узы. Книга 5. Серебряные тени: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-87028-8

Аннотация

Сидни Сейдж силком увозят в центр перевоспитания алхимиков. Руководство недовольно ее романом с Адрианом, а также дружбой с подопечными вампирами.

Связь с ее возлюбленным потеряна – он больше не может проникать в ее сновидения, потому что Сидни вот уже несколько дней держат в состоянии бодрствования. Но девушка ведет свою игру, не сдается и даже поддерживает заключенных, в то время как потерявший с ней связь Адриан все больше уходит в депрессию. Тотальный контроль алхимиков не может разрушить узы, возникшие между Адрианом и Сидни, но что же будет дальше?

Пятая книга цикла «Кровные узы» – впервые на русском языке!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Райчел Мид
Академия вампиров. Кровные
узы. Книга 5. Серебряные тени

Richelle Mead

Silver Shadows Bloodlines, Book 5

Copyright © 2014 by Richelle Mead

© Т. Черезова, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

Глава 1

Сидни

Я проснулась в темноте.

В этом не было ничего нового: я просыпалась в темноте уже... вообще-то, я точно не знала, сколько именно дней. Наверное, мое заточение длилось несколько недель, а может, и месяцев. Я потеряла счет времени, находясь в тесной холодной камере, где постелью мне служили шершавые камни. Тюремщики заставляли меня спать и бодрствовать по своему разумению: они использовали какой-то химический препарат, который совершенно меня изматывал. Сперва я была убеждена, что его добавляют в еду или воду, и поэтому устроила голодовку. Мой бунт ничем не закончился – меня просто стали кормить насильно, и этот опыт я, конечно, никогда и ни за что не захотела бы повторить в своей жизни. Да и усыпляющее воздействие препарата никуда не делось. Однако позже я поняла, что его закачивают в вентиляционную систему, а отказаться от воздуха я, само собой разумеется, не могла.

Забавно, но я питала иллюзию, что способна следить за временем благодаря месячным: так женщины примитивных культур настраивали себя на фазы Луны. Кстати, мои пленители, сторонники чистоты и эффективности, предоставили мне в нужный момент все средства женской гигиены. Однако мой план провалился. Резкое прекращение приема противозачаточных таблеток в момент моего заточения перестроило гормоны и отбросило организм на нерегулярный цикл. Теперь я действительно блуждала в потемках – особенно с учетом странного тюремного расписания. Единственное, в чем я была уверена, это то, что я не беременна, – и данный факт стал для меня громадным облегчением. Если бы мне пришлось беспокоиться о ребенке Адриана, алхимики получили бы надо мной неограниченную власть. Но сейчас в моем теле билось только одно сердце, поэтому я могла выдержать все, что они мне устраивали. Голод, холод. Ничто из вышеперечисленного не имело значения. Я не позволяла им меня сломить.

– Ты размышляла о своих грехах, Сидни?

Стальной женский голос вибрировал в камере и, казалось, исходил отовсюду. Я села, натянув на колени грубую сорочку. Это движение было вызвано исключительно привычкой. Тонкая рубашка без рукавов не могла меня согреть, зато дарила мне психологическое ощущение благопристойности. Мне выделили ее в середине моего пребывания в плену, заявив, что одежда должна символизировать мои будущие благие намерения. Но я думаю, что алхимикам просто пришлось не по нутру моя нагота: ведь они убедились, что это не действует на меня так, как они ожидали.

– Я спала, – ответила я, подавляя зевоту. – Некогда было размышлять.

Препарат, распыленный в воздухе, нагонял на меня постоянную дремоту, но иногда тюремщики прибегали к стимуляторам, которые заставляли меня бодрствовать, какой бы измученной я ни была. В результате я никогда не чувствовала себя полностью отдохнувшей, что и являлось целью алхимиков. Психологическую войну лучше всего вести с утомленным разумом.

– Тебе что-нибудь снилось? – спросил голос. – Например, искупление? Не думала ли ты о том, каково это – снова узреть свет?

– Ты прекрасно знаешь, что нет, – огрызнулась я.

Сегодня я оказалась нетипично разговорчивой. Мне постоянно задавали вопросы, но я обычно отмалчивалась.

– Если ты прекратишь пичкать меня успокоительным, мне удастся поспать по-настоящему и я увижу что-нибудь интересное, о чем мы с тобой могли бы поболтать, – добавила я, утаив самое главное.

Нормальный сон без препарата означал, что Адриан отыщет меня в моих сновидениях и поможет мне найти выход из этой дыры.

Адриан.

Лишь одно его имя поддерживало меня на плаву. Мысли о нем – о нашем прошлом и нашем будущем – помогали мне выживать в настоящем. Здесь, в темноте камеры-одиночки, я часто погружалась в грезы, вспоминая те недолгие месяцы, которые мы провели вместе. Неужели они пролетели настолько быстро? Из всех девятнадцати лет моей жизни то время стало для меня самым ярким и значимым. И сейчас я думала только об Адриане. Я заново пересматривала каждое драгоценное воспоминание, радостные и горестные события, а когда они заканчивались, то начинала фантазировать. Я перебирала в уме всевозможные варианты, самые нелепые «планы побега от действительности», которые мы придумывали сообща.

Адриан.

Благодаря Адриану я все еще жива.

Но именно из-за него я и угодила в тюрьму.

– Ты не нуждаешься в том, чтобы подсознание запутывало твой рассудок, – заявил голос. – Твой разум уже осведомлен о происходящем. Ты отравлена и запятнана. Твоя душа окутана мраком, ты согрешила против себе подобных.

Скучная риторика заставила меня вздохнуть, и я пошевелилась, пытаюсь устроиться поудобнее, хоть на это надежды не было. Мои мышцы целую вечность пребывали в состоянии одеревенения. В таких условиях комфорт вообще недостижим.

– Тебя должна огорчать мысль о том, что ты разбила сердце своему отцу, – продолжал голос.

А вот это что-то новенькое. Тема оказалась настолько неожиданной, что я, не задумываясь, выпалила:

– У моего отца нет сердца.

– Есть, Сидни, есть.

Если я не ошиблась, в голосе зазвучало удовлетворение из-за того, что меня удалось спровоцировать на ответную реакцию.

– Он глубоко сожалеет о твоём падении. Не забудь о том, Сидни, что сначала ты прекрасно проявляла себя в борьбе со злом. Но ты разочаровала отца.

Я передвинулась на несколько сантиметров и оперлась спиной о грубо отесанную стену.

– Теперь он может заняться воспитанием своей гораздо более многообещающей дочери. Наверняка он быстро отвлечется.

– Ты и своей сестре сердце разбила. Они оба расстроены и подавлены твоим поведением – ты и представить себе не можешь, насколько сильно. Почему бы тебе с ними не помириться?

– Ты предлагаешь мне сделку? – настороженно спросила я.

– Сидни, мы предлагаем тебе реальную возможность выхода. Скажи нужные слова, и мы с радостью начнем твой путь к искуплению.

– Значит, моя камера тоже является шагом к искуплению?

– Сидни, поверь нам – тяжелые условия, в конце концов, приведут к тому, что твою душу охватит стремление очиститься.

– Ага! – подхватила я. – Вы отлично справились с задачей. Меня морили голодом, унижали...

– Ты хочешь увидаться со своими близкими, Сидни? Разве не приятно будет посидеть и поговорить, к примеру, с родным отцом?

Я промолчала и принялась размышлять над игрой, которую ведут мои тюремщики. Раньше голос предлагал мне в основном телесные блага: горячую ванну, мягкую постель, хорошую одежду. Меня искушали и другими вознаграждениями, вроде деревянного креслика, который мне сделал Адриан... А иной раз мне сулили еду, которая будет вкусной, питательной и аппетитной – не то что жиденькая кашка, с помощью которой во мне еще теплилась жизнь. Последний соблазн даже включал в себя донесшийся до меня однажды аромат кофе... Вероятно, именно родные, которым я столь «дорога», и подсказали тюремщикам, что я обожаю кофе.

Но возможность поговорить с людьми – это и впрямь было заманчиво. Естественно, Зоя и мой отец не стояли в начале списка персонажей, которых я жаждала увидеть, но меня заинтересовал увеличившийся масштаб того, что мне предложили алхимики. Жизнь вне постылой камеры!

– Что я должна делать? – спросила я.

– То, что тебе уже известно, Сидни, – откликнулся голос. – Признай свою вину. Покайся в грехах и скажи, что готова спастись.

У меня едва не вырвалось: «Мне не в чем каяться!» Вот что я отвечала им постоянно – во время каждого допроса. Раз сто, а может, и тысячу. Но мне стало любопытно. Тюремное свидание означало, что алхимикам придется отключить ядовитый газ, верно? А если я избавлюсь от воздействия препарата, то буду видеть сны...

– Я говорю эти слова и вы устраиваете мне встречу с родными? – уточнила я.

В голосе послышалось сдержанное раздражение и снисходительность.

– Не сразу, Сидни. Поощрение еще надо заслужить. Но ты перейдешь к следующему этапу исцеления.

– Перевоспитания, – подытожила я.

– Ты говоришь таким тоном, как будто это нечто плохое, – произнес голос. – Мы хотим спасти тебя, Сидни.

– Спасибо, не стоит, – заявила я. – Я начинаю привыкать к своей клетке. Будет жаль ее покинуть.

Я напряглась. Проблема заключалась в том, что с первого момента «сознательного» перевоспитания начинались настоящие пытки. Конечно, физически это было не столь тяжело, как пребывание в камере-одиночке, но направлено все будет на управление моим разумом. Суровые тюремные условия являлись фундаментом, который должен был заставить меня почувствовать себя слабой, беспомощной и податливой. А уж затем алхимики будут стараться на славу и попытаются изменить меня целиком и полностью. В результате после завершения перевоспитания я рассыплюсь перед ними в благодарностях...

Но я не могла отмахнуться от их предложения – ведь в таком случае я буду нормально спать и видеть сны! Я сумею найти контакт с Адрианом и прорвусь еще дальше, как минимум узнаю, что он в порядке... если меня не разрушит перевоспитание. Увы, я могла лишь предполагать, какие психологические приемы тюремщики используют в моем запущенном случае, но стопроцентной уверенности у меня не было. Выдержу ли я новые? Уберегу ли собственный разум или меня настроят против всех моих принципов и против тех, кого я люблю? Вот в чем заключался риск ухода из камеры. Кроме того, я не сомневалась, что у алхимиков есть препараты и методы, давящие на мозг, и подопытный просто усваивает все, что нужно. Хотя я, пожалуй, защищена от этой опасности, поскольку еще на свободе я регулярно колдовала... но какой-то риск в моем случае все-таки имелся. А еще меня очень беспокоило, что я окажусь уязвимой. Единственный известный мне способ защититься от

принуждения заключался в изготовленном мною снадобье. Я успешно применила средство на одном человеке – но не на себе.

Дальнейшие размышления мне пришлось отложить: меня затопила усталость. Видимо, на сей раз разговор был закончен. Я понимала, что сопротивляться бесполезно, и растянулась на полу, отдаваясь во власть вязкого сна, погребаящего мысли о свободе. Но прежде чем препарат меня отключил, я мысленно произнесла любимое имя, используя его в качестве талисмана, дарующего мне силу и надежду.

Адриан!..

* * *

Когда я очнулась, то обнаружила в камере еду. Это была обычная овсянка, которая продается в коробках и заливается кипятком. Думаю, в ней содержались витамины и микроэлементы, снабжавшие мой организм небольшим количеством энергии. Однако назвать еду горячей было бы преувеличением: овсянка оказалась чуть-чуть теплой. Вероятно, алхимики решили, что заключенному незачем наслаждаться аппетитными блюдами. Но, несмотря на всю безвкукусность кашицы, я механически ее хлебала, помня, что мне понадобятся силы, когда я обрету свободу.

«Если я выберусь отсюда».

Предательская мысль возникла прежде, чем я успела ее подавить. Давнишний страх незаметно подтачивал меня изнутри. Меня снедала пугающая вероятность того, что меня будут держать здесь вечно и я никогда не увижу тех, кого люблю: Адриана, Эдди, Джилл... никого из них. И я никогда не буду колдовать. Никогда не прочту ни единой книжки. Вот что причинило мне сегодня особенно сильную боль: хотя мечты об Адриане и скрашивали мое существование, я готова была пойти на убийство, лишь бы получить возможность почитать! Все, что угодно, даже глупый макулатурный романчик! Я бы с радостью проглотила журнал или брошюру – тогда тьма и стальной женский голос были бы мне нипочем.

«Соберись, Сидни, – приказала я себе. – Ради себя. Вытерпи – ради Адриана. И подумай, на что бы он пошел ради тебя?»

Верно! Где бы он ни находился – оставался ли в Палм-Спрингсе или куда-то переехал – я не сомневалась, что Адриан никогда меня не предаст. Значит, мне необходимо ответить ему тем же. Надо готовиться к тому моменту, когда мы будем вместе, – и надеяться на воссоединение.

«Centrum permanebit». Латинские слова прозвучали у меня в голове, укрепляя меня. В переводе они означали «центр устоит» – и были отголоском стихотворения, которое мы с Адрианом однажды прочли вместе. «Теперь центр – это мы, – подумала я. – И я устою во что бы то ни стало».

Я завершила свою скудную трапезу и попыталась ополоснуться над крохотной раковиной в углу камеры, ощупью найдя место, где она располагалась – как раз рядом с унитазом. Настоящая ванна или душ были исключены (хотя мои тюремщики пытались использовать их как приманку), и я ежедневно (по крайней мере, убеждая себя, что уже наступил день) обтиралась грубым куском ткани, намоченным в ледяной воде, от которой пахло ржавчиной. Какое унижение! Я знала, что алхимики наблюдают за мной через инфракрасные камеры, но тешила мыслью, что сохраняю человеческий облик и не зарастаю грязью. Я не доставлю своим тюремщикам такого удовольствия. Я останусь человеком, хоть именно этот пункт и служил основой для всех обвинений, которые против меня выдвигались.

Приведя себя в относительный порядок, я свернулась у стены калачиком, стуча зубами и дрожа от холода. Моя мокрая кожа еще не высохла. Смогу ли я когда-нибудь согреться?

– Мы побеседовали с твоим отцом и сестрой, Сидни, – внезапно объявил голос. – Они очень переживали из-за того, что ты не пожелала с ними встретиться. Зоя плакала. Ты причинила им боль, Сидни.

Я поморщилась, жалея о том, что подыграла алхимикам. Теперь они вообразили, что тактика с использованием моих родных дала веский результат. С чего они предположили, будто мне захочется сблизиться с людьми, которые меня здесь заперли? Единственная родня, с которой я хотела бы увидеться, – мама и старшая сестра. Но они наверняка не числились в списке избранных, допущенных к алхимическим тайнам, особенно если мой папа добился своего в процедуре развода. Вот о разрешении этой проблемы мне действительно хотелось бы что-то узнать, но я не собиралась демонстрировать свою слабость.

– Разве ты не сожалеешь о том, что причинила им боль, Сидни? – бубнил голос.

– По-моему, Зое и папе следует сожалеть о той боли, которую они причинили мне, – вырвалось у меня.

– Ты ошибаешься, Сидни, – утешительным тоном произнес голос.

Я промолчала. Теперь мне захотелось дать по физиономии алхимическому начальству, хоть мне и не свойственно прибегать к грубой силе.

– Твои родные поступили так, чтобы помочь тебе, Сидни. Мы все стараемся тебе помочь. Они были бы рады объясниться с тобой.

– Ага, – проворчала я. – Если вы вообще с ними говорили.

Я уже презирала себя. Почему я им подыграла? А сейчас я расплачиваюсь.

Надо полагать, они ликуют.

– Зоя спросила, можно ли принести тебе ванильный латте с обезжиренным молоком, когда она придет тебя навещать. Мы ей, разумеется, разрешили. Мы целиком за цивилизованную встречу: чтобы вы сели и по-настоящему побеседовали. Тогда твои близкие успокоятся, а твоя душа исцелится.

Мое сердце отчаянно колотилось, но это никак не было связано с обещанием кофе. Голос вновь подтвердил свое заманчивое предложение.

Настоящее свидание – за столом, с кофе... Оно должно состояться вне камеры. Если допустить толику истины в моей фантазии, то я уверена лишь в одном: алхимики, конечно, не приведут папу и Зою в тюремные застенки.

Не то чтобы моей целью была встреча с родными, но я намеревалась вырваться отсюда. И я по-прежнему считала, что смогла бы оставаться здесь вечно – выдержать все алхимические испытания. И не обманывала себя. Но что мне даст подобное упрямство? Я докажу свою выносливость и непокорность... Я ими горжусь, а они никак не приближают меня к Адриану. Чтобы попасть к Адриану и моим друзьям... мне необходимо видеть сны. Поэтому сейчас – в первую очередь – мне важно избавиться от дурмана и дремотного состояния.

И это еще не все. Если я окажусь вне тесной камеры, мне, возможно, удастся использовать магию. Кто знает, может, я даже догадаюсь, куда они меня спрятали. И тогда-то я освобожусь.

Но сначала мне надо выйти отсюда – хотя бы ненадолго. Я считала, что пребывание в клетке являлось испытанием моего мужества, но неожиданно я подумала, что подлинным испытанием моей отваги станет выход из нее.

– Тебе этого хотелось бы, Сидни? – Теперь в голосе появились явные нотки возбуждения, почти нетерпения, которые совершенно не вязались с тем высокомерным и властным тоном, к которому я привыкла. Им еще никогда не удавалось добиться от меня такого жаркого интереса. – Тебе хотелось бы сделать первые шаги к очищению своей души – и встрече с родными?

Сколько времени я прозябала к одиночной камере, то проваливаясь в забытие, то разлепляя веки и таращась в темноту? Щупая свой торс и руки, я чувствовала свою худобу:

такая сильная потеря веса должна занимать недели. Или месяцы... я понятия не имела. А пока я здесь, мир живет без меня: мои друзья и масса других людей... они просто во мне нуждаются.

– Сидни?

Не желая показаться слишком заинтересованной, я решила тянуть время.

– А можно ли вам доверять? Откуда я знаю, позволите ли вы мне увидеться с моими близкими, если я... встану на путь очищения?

– Зло и обман нам чужды, – ответил голос. – Мы любим свет и честность.

«Опять ложь!» – мысленно возмутилась я. Они вралли мне много лет, представляя хороших людей чудовищами, пытаясь диктовать мне свои жизненные правила и установки. Но это не имеет значения. Мне плевать, сдержат ли они свое слово относительно моих родственников.

– А у меня будет... настоящая кровать? – спросила я чуть дрогнувшим голосом.

Да... алхимики сделали из меня превосходную актрису, и сейчас обучение работало против них.

– Да, Сидни. И кровать, и одежда, и вкусная еда. И люди, с которыми можно будет общаться, – они помогут тебе, если только ты прислушаешься к ним.

Эти слова помогли мне принять решение. Если я буду регулярно видеться с другими людьми (хотя бы и здесь), алхимики не смогут распылять свои препараты через вентиляцию. Внезапно я почувствовала прилив бодрости. Теперь меня даже трясло от возбуждения. А затем я предположила, что они просто закачивают в камеру стимулирующее средство, которое должно вызвать у меня беспокойство и готовность поступать необдуманно. Что ж, их прием отлично срабатывает в отношении утомленного и затуманенного сознания, и сейчас он тоже работал – но не так, как они ожидали.

По давней привычке я поднесла руку к ключицам, прикасаясь к кресту, которого больше не было. «Не позволяй им меня изменить, – мысленно молилась я. – Дай мне сохранить разум. Дай вынести все испытания».

– Сидни?

– Что я должна сделать? – спросила я.

– Ты знаешь, Сидни, – монотонно произнес голос. – Знаешь, что тебе надо сказать.

Я положила ладони на сердце и безмолвно призвала Адриана.

«Жди меня. Будь сильным, и я тоже буду сильной. Я найду выход из ловушки, в которую они меня загнали. Я тебя не забуду. Я никогда не отвернусь от тебя, как бы мне ни пришлось им лгать. Наш центр устоит».

– Ты знаешь, что тебе надо сказать, – повторил голос.

У него буквально слюнки текли.

Я откашлялась.

– Я согрешила против своего рода и позволила извратить свою душу. Я готова к изгнанию тьмы.

– А в чем ты согрешила? – спросил голос. – Покайся в содеянном.

Вот что оказалось действительно трудным! Я сглотнула и сосредоточилась. Я смогу! Если ответ приблизит меня к Адриану и свободе, я скажу что угодно.

– Я полюбила вампира, – выдавила я.

И меня ослепил свет.

Глава 2

Адриан

– Пойми меня правильно: выглядишь ты погано.

Я оторвал голову от стола и с трудом открыл глаза. Даже в темных очках – и в помещении – свет был почти невыносимым для моей гудящей головы.

– Неужели? – осведомился я. – А можно поподробней?

Ровена Кларк пригвоздила меня к месту величественным взглядом, который безумно походил на тот, который могла бы изобразить Сидни.

– Ты мог бы принять мой конструктивный совет. – Ровена наморщила носик. – У тебя ведь похмелье, да? Но это подразумевает, что в какой-то момент ты был трезв. А ощущаемый мной мощный запах джина заставляет меня принять меры.

– Я трезв. По большей части. – Я осторожно снял темные очки, чтобы лучше ее рассмотреть. – У тебя волосы голубые.

– Бирюзовые, – уточнила она, смущенно к ним прикасаясь. – Ты их видел два дня назад.

– Правда?

Два дня назад – значит, на нашем общем занятии по медийным технологиям здесь, в колледже. Но я едва мог вспомнить то, что произошло два часа назад.

– Ага. Возможно, как раз тогда я был... навеселе. Цвет смотрится мило, – добавил я, надеясь, что комплимент немного уменьшит ее осуждение.

Зря надеялся.

Если честно, в последнее время я бывал трезвым весьма редко. Однако если учесть, что я каким-то загадочным образом добирался до колледжа, то, наверное, заслуживал хоть какой-то похвалы. Когда Сидни исчезла – нет, когда ее захватили, – я забросил учебу. Я не мог никуда ходить или что-то делать – я хотел только найти ее. Сперва лежал на кровати пластом, выжидая и ища ее духом через мир снов. Однако я не смог с ней связаться. В какое бы время дня я ни пытался ее найти, я не заставал ее спящей. Я ничего не понимал. Никто не способен бодрствовать настолько долго. С пьяными связаться сложно, поскольку алкоголь подавлял дух и блокировал разум, но почему-то я сомневался в том, что Сидни со своими друзьями-алхимиками непрерывно поглощает коктейли.

Я смог бы усомниться в себе и в своем таланте, особенно после того, как использовал лекарственные препараты, чтобы временно «отключить» дух. Но спустя несколько дней моя магия вернулась ко мне в полной мере, и я с легкостью дотягивался до других, когда они спали. Возможно, многие вещи я плохо освоил, но я по-прежнему оставался самым умелым «ходоком по снам» среди всех моих приятелей, владеющих техниками духа. Проблема заключалась в том, что мне приходилось встречаться с очень небольшим количеством пользователей духа, поэтому мне не у кого было узнать, почему я не могу связаться с Сидни. Все вампиры-морoi используют стихийную магию. В основном они специализируются на одной из четырех физических стихий: земле, воздухе, воде или огне. Но лишь некоторые применяют дух, и, в отличие от стихий, документальных свидетельств этому маловато. Хотя теорий существует множество, никто толком не понимал, почему у меня нет контакта с Сидни.

Ассистент моего профессора выложила передо мной пачку скрепленных листов. Точно такая же легла перед Ровеной, что резко вывело меня из задумчивости.

– А это что?

– Твой финальный экзамен, – ответила Ровена, картинно закатив глаза. – Попробую угадать. Ты про него забыл? И о том, что я предложила с тобой готовиться?

– Похоже, был не в форме, – напряженно пробормотал я и начал листать страницы.

На лице у Ровены осуждение сменилось сочувствием, но если она что-то и собиралась сказать, ей помешало требование профессора замолчать и приступить к работе. Я уставился на вопросы, гадая, смогу ли продраться через вопросы и сдать экзамен. Отчасти я выбрался из постели и вернулся к занятиям именно из-за Сидни. Я знал, как высоко она ценит образование. Она всегда завидовала тому, что я получил шанс, которого она лишилась по воле своего властного крестина-отца. Когда я сообразил, что не смогу сразу же ее отыскать – а я перебрал массу обычных способов, а не только магических, – то принял решение. Я не сдамся и сделаю то, чего хотела бы она: закончу текущий семестр.

Надо признать: я не был в числе усердных студентов. Большинство курсов оказались вводными, и преподаватели обычно ставили зачеты при условии, что ты хоть что-то сдашь. Данный факт оказался мне на руку, поскольку «что-то» было, наверное, самой снисходительной характеристикой того кошмара, в который я угодил. В целом я со скрипом набирал нужное количество баллов, но этот экзамен мог пустить меня ко дну. Вопросы требовали четкого ответа – правильного или ошибочного. Я не мог нарисовать нечто идиотское и рассчитывать, что мне поставят зачет за студенческое усердие.

В итоге я с трудом собрался с мыслями, чтобы ответить на вопросы о контурной графике и деконструкции пейзажа, ощущая, как на меня наваливается черная депрессия. И дело было не в том, что я, скорее всего, завалю предмет. Я еще и подведу Сидни, которая имеет по-настоящему высокое мнение обо мне. Но, с другой стороны, что значит какой-то жалкий предмет, когда я подвел Сидни уже в гораздо более серьезных вещах? Если бы наши роли поменялись, она наверняка давно бы меня нашла. Она более смысленная и предприимчивая. Она сделала бы нечто необыкновенное. А я даже с обыкновенным не справляюсь.

Через час я сдал экзаменационную работу, надеясь, что семестр не улетит в мусорное ведро. Ровена закончила немного раньше и дожидалась меня за дверью аудитории.

– Не хочешь перекусить? – спросила она. – Я угощаю.

– Нет, спасибо. Я встречаюсь с кузиной.

Ровена настороженно посмотрела на меня:

– Надеюсь, ты не за рулем?

– Я сейчас трезв, спасибо огромное, – ответил я. – И могу тебя успокоить – я еду на автобусе.

– Тогда, наверное, уже все? Последний день занятий.

Я удивленно подумал, что она права. У меня есть еще пара предметов, но этот – единственный, который был у нас с ней общим.

– Уверен, что мы с тобой увидимся, – храбро пообещал я.

– Ага, – отозвалась она, глядя на меня с тревогой. – Ты знаешь мой телефон. По крайней мере, знал раньше. Кстати, летом я никуда не уезжаю. Позвони нам с Касси, если захочешь развеяться... или тебе надо будет поговорить. Я в курсе, что у тебя... серьезные проблемы...

– Бывали переделки и посерьезнее, – соврал я.

Она мало что знала. Как обычного человека, ее следовало держать в неведении. Помоему, Ровена решила, что Сидни меня бросила, и теперь ее жалость меня просто убивала. А развеивать ее заблуждения было нельзя!

– Я обязательно проявлюсь и звякну тебе. До встречи, Ро.

Она вяло помахала мне рукой, и я направился к ближайшей остановке автобуса. До нее было не слишком далеко, но пока я добирался, то вымок от пота. В Палм-Спрингсе настал май – и нашу мимолетную весну вколачивало в землю приближение жаркого и душного лета. Я нацепил темные очки и постарался не обращать внимания на парочку хипстеров, куривших рядом со мной. Сигареты стали слабостью, которой я после исчезновения Сидни не поддавался, но порой мне было тяжело. Очень тяжело.

Чтобы отвлечься, я открыл сумку и посмотрел на статуэтку золотистого дракона. Я положил ладонь на его спинку, ощущая текстуру крохотных чешуек. Ни один художник не смог бы создать столь совершенное произведение искусства – ведь в действительно это была не скульптура, а настоящий дракон, точнее, каллистана: разновидность дружелюбного демона, призванного Сидни. Каллистан привязался к нам обоим, но лишь Сидни была способна совершать трансформации между живой плотью и заледеневшей формой Прыгуна. К несчастью для Прыгуна, в момент ее похищения он находился в «заторможенном» состоянии и оказался заперт в собственном теле. По словам магической наставницы Сидни, Джеки Тервиллигер, Прыгун формально оставался жив, но влачил довольно жалкое существование, будучи лишен пищи и движения. Я брал его с собой повсюду, хоть и не знал, нужен ли ему такой контакт со мной. Прыгун нуждался в Сидни, и я не мог его за это осуждать. Я тоже в ней отчаянно нуждался.

Я не солгал Ровене: сейчас я оказался трезв. И это было намеренно. Долгая поездка на автобусе предоставляла мне идеальную возможность поискать Сидни. Хотя я уже не пытался дотянуться до нее во сне с такой неутомимостью, как раньше, я неукоснительно трезвел несколько раз в день ради этого поиска. Когда автобус тронулся и я устроился на сиденье, я прикоснулся к магии духа, таившейся во мне. Мгновение я наслаждался тем, какое дивное ощущение она мне дарила. Однако радость моя была недолговечной: ее умеряло понимание того, что дух постепенно толкает меня к безумию.

«Безумие! Что за гадкое слово, – заявил голос у меня в голове. – Относись к ситуации, как к новому взгляду на реальность».

Я поморщился. Голос не был ни голосом совести – правильным и нравоучительным. Он принадлежал моей умершей тетке Татьяне, бывшей королеве мороев. Или... ее духу, устраивающему мне подобные галлюцинации. Как правило, я слышал Татьяну в минуты депрессии, когда мое настроение падало особенно низко. Теперь, после исчезновения Сидни, призрачная тетя превратилась в мою почти постоянную спутницу. Положительной стороной (если здесь можно найти нечто в принципе положительное) было то, что биполярные побочные эффекты стали менее частыми. Казалось, что безумие духа изменило свою форму. Что лучше: вести мысленный разговор с вымышленной умершей родственницей или испытывать резкие перемены настроения? Я мог только гадать.

«Убирайся, – приказал я Татьяне. – Ты ненастоящая. Кроме того, мне пора искать Сидни».

Войдя в контакт с магическим миром, я нацелил свою интуицию на местопребывание Сидни: ведь именно ее я знал на Земле лучше всех остальных. Войти в контакт с сонным сознанием того, с кем я слабо знаком, было бы элементарно. Найти Сидни – если бы она спала – я смог бы вообще без всяких усилий. Но связь не установилась, и я с сожалением отпустил магию. Либо Сидни бодрствует, либо ее от меня отрезают. В очередной раз потерпев неудачу, я вытащил из сумки фляжку и принялся коротать время до Виста Азул.

Находясь в приятном опьянении, я был отрезан от магии – но не от лютой тоски – и в таком состоянии приехал в подготовительную школу Амбервуд. Уроки закончились, и ученики в стильной форме сновали между зданий: они шли заниматься, обниматься, или чем там еще занимаются старшеклассники ближе к концу учебного года. Я побрел к девчачьему корпусу и решил ждать снаружи, надеясь увидеть Джилл Мастрано Драгомир.

Ровена могла лишь догадываться о том, что меня тревожит, а вот Джилл оказалась прекрасно осведомлена о моих невзгодах. Суть в том, что пятнадцатилетняя Джилл обладала «преимуществом» и могла читать мои мысли. В прошлом году на нее напали убийцы, решившие свергнуть ее сестру – королеву мороев и, между прочим, мою хорошую приятельницу. Формально убийцам удалось осуществить свое черное дело, но я все-таки вернул Джилл к жизни – благодаря экстраординарным способностям духа. Ее исцеление далось мне очень

нелегко и вдобавок создало психическую связь, позволявшую Джилл ощущать мои мысли и чувства. Я понимал, что депрессия и пьянство тяжело на ней сказались... хотя алкоголь порой притуплял нашу связь. Будь Сидни рядом, она устроила бы мне выволочку за эгоизм и за то, что я не щажу подростковые чувства Джилл. Но Сидни рядом не было. Бремя ответственности лежало на мне одном, и, похоже, я слишком ослабел, чтобы его нести с гордо поднятой головой.

Три школьных автобуса прибыли и умчались прочь, а Джилл ни в одном из них не оказалось. Мы с ней традиционно встречались в этот день недели, и я нашего неписаного правила не нарушал, даже когда, образно говоря, разваливался на куски.

Я вытащил мобильник и написал Джилл эсэмэс: «Эй, я приехал. Ты в норме?»

Ответа не было, и я ощутил тревогу. После покушения Джилл отправили сюда, спрятав среди обычных горожан Палм-Спрингса, потому что пустыня – совсем не подходящее место для мороев или даже стригоев: злобных немертвых вампиров. Алхимики – тайное сообщество людей, целью которых являлось исключение любых контактов простых смертных с вампирами, – отправили Сидни к нам в качестве посредника. Сидни должна была проследить за ситуацией. Алхимики стремились не допустить, чтобы морои начали гражданскую войну, и Сидни помогала Джилл во всяческих передрягах. Однако Сидни допустила промашку и вступила в романтическую связь с вампиром. Такое шло вразрез с генеральной линией алхимиков, направленной на разделение людей и вампиров, и эти ребята отреагировали – жестко и успешно.

Даже когда Сидни исчезла и ее сменила бесстрастная Маура, у Джилл не оставалось поводов для беспокойства. Стригой и прочая нечисть как в воду канули, и поступили указания, что Джилл может вернуться в общество мороев через месяц – когда закончится учебный год.

А сейчас я недоумевал, куда она запропастилась? Такое исчезновение было не в ее характере, и когда я не получил от нее ответа, то написал Эдди Кастилю.

Мы с Джилл – морои, а Эдди – дампир, в жилах которого смешалась человеческая и вампирская кровь. Эдди и ему подобных готовили для особой миссии. Дампиры являлись нашими защитниками, а Эдди слыл одним из лучших. К несчастью, дампирских боевых навыков не хватило, и Сидни обманом заставила его покинуть ее в тот самый момент, когда к ней заявили алхимики. Она пожертвовала собой, чтобы спасти Эдди, но парень не мог этого забыть. Унижение даже убило зарождавшееся между ним и Джилл чувство, поскольку теперь он считал себя недостойным принцессы мороев. Но Эдди по-прежнему тщательно исполнял роль ее телохранителя, и я понимал: если с ней что-то случилось, то первым обо всем узнал бы Эдди.

Эдди тоже не ответил на мое сообщение, как и еще два дампира, которые под прикрытием играли роль ее защитников. Расклад получался крайне странный, но я убедил себя, что молчание просто означает, что вампирскую компанию что-то отвлекло и они в полном порядке. Ладно, Джилл когда-нибудь появится.

Теперь меня стало беспокоить солнце, поэтому я обошел здание и отыскал скамейку, стоящую в тени пальм. Я устроился на ней поудобнее и вскоре заснул: этому способствовало и то, что накануне я засиделся в баре, и выпитая фляжка водки.

Меня разбудили негромкие голоса, и, открыв глаза, я обнаружил, что солнце проделало в небе немалый путь. Надо мной стояли Джилл, Эдди и другие мои друзья: Ангелина, Трей и Нейл.

– Эй, – хрипло выдавил я, с трудом принимая сидячее положение. – Вы где пропадали?

– А ты где был? – многозначительно осведомился Эдди.

Устремленные на меня зеленые глаза Джилл смягчились.

– Ничего. Он был здесь все это время. Он забыл... Извинительно, потому что... у парня сложный период.

– Что я забыл? – выпалил я и заморгал.

Ангелина Доуз, одна из защищающих Джилл дампиров, как обычно не стала влиять.

– Семестровую выставку Джилл.

Я тупо уставился на нее – и только потом вспомнил. В качестве внеклассных занятий Джилл выбрала клуб модной одежды и вышивания. Она начала с роли модели, но оказалось, что таким образом она привлекает к себе избыточное внимание, что в ее положении было крайне рискованно. Потому Джилл переквалифицировалась и попробовала свои силы в дизайне, «прячась» за кулисами. Выяснилось, что талантом кутюрье Джилл вовсе не была обделена. В прошлом месяце она без конца трещала о крупном показе мод и выставке, которые ее клуб готовил в качестве завершающего проекта семестра. Я искренне радовался, видя Джилл столь оживленной. Она тревожилась из-за Сидни, а в сочетании с моей транслируемой депрессией и несостоявшимся романом с Эдди очутилась на краю мрачной пропасти, где с некоторых пор балансировал я. Модное шоу и возможность продемонстрировать свои работы стали для нее отдушиной – крошечной, но дающей ей глоток свежего воздуха.

Показ был исключительно важным для Джилл. Она хоть и морой, но, как всякая юная девчонка, нуждалась хоть в чем-то нормальном.

А теперь я опять все испортил.

Мне вспоминались обрывки разговоров: она называла мне точную дату, я кивал и обещал прийти и поболеть. Джилл даже еще раз напомнила мне о показе, когда я в последний раз виделся с ней на этой неделе. Я выслушал ее, а потом отправился отмечать «Вторник текилы» в баре рядом с домом. Сказать, что ее шоу забылось, означало бы выразиться чересчур мягко.

– Извини, малышка. Я пытался списаться...

Я поднял свой телефон, чтобы оправдаться, но случайно схватил вместо него фляжку из-под водки. Я поспешно кинул ее в сумку.

– Нам пришлось отключить мобильники во время показа, – объяснил Нейл.

Нейл – третий дампир в нашей группе, недавно появившийся в Палм-Спрингсе. Я постепенно его оценил, может, потому, что у него тоже было горе. Он оказался по уши влюблен в дампирку, которая непостижимым образом исчезла, правда, не так, как Сидни. Молчание Оливии Синклер скорее всего было связано с ее личными проблемами, а не с похищением алхимиков.

– И как все прошло? – промямлил я. – Готов поспорить, что твои работы потрясающие, да, Джилл?

Я чувствовал себя непроходимым тупицей и хотел сквозь землю провалиться. Я не способен справиться с оравой алхимиков, похитивших Сидни. Я завалил экзамен. Но, господи, я мог бы явиться на показ мод и подбадривать Джилл! Мне следовало приехать, посидеть в зале и похлопать. Я не справился даже с этим – и груз, свалившийся на меня, внезапно придавил меня к скамейке. Черный туман окутал мой мозг, наваливаясь на меня, заставляя ненавидеть все живое, а сильнее всего – самого себя. Неудивительно, что я не спас Сидни. Я даже о себе не в состоянии позаботиться.

«А тебе и не нужно, – прошептала у меня в голове тетя Татьяна. – Я о тебе позабочусь».

Искра сочувствия зажглась в глазах Джилл, почувствовавшей мое мрачное настроение.

– Было здорово. Не волнуйся, мы покажем тебе снимки. У нас работал профессиональный фотограф, и все будет вывешено в Интернете.

Я попытался отогнать морок и с трудом выдавил улыбку.

– Отлично. Может, тогда нам стоит пойти и отметить успех? Я угощаю.

У Джилл вытянулось лицо.

– Мы с Ангелиной обедаем с группой подготовки. То есть... наверное, я могу отменить встречу. До экзаменов еще месяц, и я...

– Забудь, – произнес я, поднимаясь на ноги. – Хорошо, что кто-то из нашего семейства готов к экзаменам. А пока развлекайся. Я найду тебя попозже.

Меня никто не попытался задержать, но Трей Хуарес вскоре меня нагнал. Наверное, он – самый странный парень в нашем кругу: ведь раньше он входил в группу охотников на вампиров. Трей вовремя порвал с психованными типами и успел – вопреки всему – влюбиться в Ангелину. Кстати, эта парочка в нашей пестрой компании была единственной, которая могла похвастаться удачно складывающимся романом. Поразительно, но Трей и Ангелина проявляли тактичность и старались не демонстрировать свое счастье, жалея остальных страдальцев.

– И как ты собираешься добираться домой? – поинтересовался Трей.

– А кто сказал, что я отправляюсь домой? – парировал я.

– Я. Тебе не надо идти веселиться. Вид у тебя паршивый.

– Сегодня ты уже второй мне это говоришь.

– Может, ты ко мне прислушаешься, – проворчал он, разворачивая меня к школьной парковке. – Я тебя отвезу.

Ему-то легко предлагать: мы с ним жили вместе.

Изначально ситуация складывалась совершенно иначе. Трей был пансионером Амбервуда и жил в студенческом кампусе. Его прежняя группа, «Воины Света», имела те же предрассудки относительно контактов людей и вампиров, что и алхимики. Но если последние просто скрывали существование вампиров от обычных людей, то воины придерживались гораздо более кровожадного подхода и охотились на «кровососов». Они утверждали, будто преследуют только стригоев, но и с морями и дампирями тоже якшаться не желали.

Когда отец Трея узнал про Ангелину, он действовал не так, как папочка Сидни. Вместо того чтобы заняться перевоспитанием сына, мистер Хуарес отрекся от Трея и прекратил его финансировать. К счастью для Трея, обучение оказалось оплаченным до конца учебного года. Однако с жильем и питанием намечались серьезные проблемы, и пару месяцев назад Трея выселили из кампуса. Он появился на пороге моей квартиры, предложив платить мне за аренду из своего скудного приработка в кофейне. Как ни крути, а Трей все-таки хотел окончить учебу в Амбервуде. Я согласился, поселил Трея у себя, но отказался брать у него деньги: ведь Сидни хотелось бы именно этого.

Я поставил ему одно-единственное условие: чтобы, возвратившись домой, я не застал бы его вместе с Ангелиной обжимающимися у меня на диване.

– Ну, я и тварь! – нарушил я долгое и неловкое молчание.

– Ты напоминаешь мне, что ты вампир? – фыркнул Трей.

Я бросил на него возмущенный взгляд.

– Ты меня прекрасно понял. Я облажался. Никто от меня ничего особенного не ждет. Мне надо было не забыть прийти к Джилл на показ мод! Я неудачник!

– У тебя сейчас столько всего накопилось... – дипломатично начал он.

– Как и у всех. Посмотри хоть на себя. Твоя родня тебя вычеркнула из списка живых и постаралась добиться, чтобы тебя вышибли из школы. Ты нашел выход, не снизил успеваемость и спортивные результаты и даже ухитрился заполучить стипендию, – выпалил я и вздохнул. – А я, похоже, завалил «Введение в искусствоведение». А может, и еще что-то, если на этой неделе будут другие экзамены. Кто знает?.. У меня вообще нет никакого расписания.

– Ага, но не забудь – у меня осталась Ангелина. И она помогает терпеть весь этот кошмар. А у тебя, приятель...

Трей не договорил. Я заметил, что в его глазах промелькнула боль.

Мои друзья в Палм-Спрингсе знали насчет Сидни и меня. Они – единственные в мире мороев (или – людей, который являлся тeneвым отражением мира мороев), кто был в курсе нашего романа. Они переживали из-за меня и из-за Сидни. Они любили Сидни. Конечно, не так, как я, но она была беззаветно предана своим друзьям и заслужила их глубокую привязанность.

– Мне без нее плохо, – тихо произнес Трей.

– Я должен был сделать больше, – пробормотал я, сгорбившись на сиденье.

– Ты очень много сделал. Я бы такого не смог придумать. И ты не только ходил по снам. Ты приставал к ее отцу, давил на мороев, устроил настоящий ад той девице, Мауре... Ты все перепробовал.

– Досаждать я умею, – согласился я.

– А сейчас ты в тупике, вот и все. Им слишком хорошо удается скрывать ее тюрьму. Но однажды они допустят ошибку, и ты ее обязательно проследишь. А я буду с тобой. И остальные ребята – тоже.

Столь ободряющие речи были не в его характере и, разумеется, ни на йоту не подняли мне настроение.

– А как мне найти эту ошибку...

Трей широко распахнул глаза.

– Маркус!

Я покачал головой:

– Он уже исчерпал свои возможности. Я виделся с ним целый месяц.

– Нет. – Притормаживая у нашего дома, Трей ткнул пальцем куда-то в сторону. – Вон он. Маркус.

Верно, на ступеньках нашего дома сидел Маркус Финч, мятежный экс-алхимик. Он учил Сидни думать самостоятельно и пытался – увы, безуспешно – помочь мне ее найти. Я распахнул дверцу машины, не дожидаясь, чтобы она притормозила.

– Он сам сюда не пришел бы, не будь у него новостей! – возбужденно воскликнул я.

Я выскочил из автомобиля и побежал по газону: моя недавняя вялость сменилась новой целеустремленностью. Наверняка Маркус чего-то добился. Конечно, он что-то узнал.

– Ну? – нетерпеливо рявкнул я. – Ты ее нашел?

– Не совсем. – Маркус встал и пригладил свои светлые волосы. – Давай зайдем в дом и поговорим.

Трей разделял мое нетерпение: мы поспешно завели Маркуса в гостиную и встали напротив него в совершенно одинаковых позах, со скрещенными на груди руками.

– Ну? – опять спросил я.

– Я добыл список мест, которые алхимики могли использовать как пункты для заключения перевоспитываемых, – заявил Маркус.

В его голосе не было слышно энтузиазма, которого подобная новость заслуживала. Я схватил его за локоть.

– Потрясающе! Мы будем их проверять и...

– Их тридцать, – резко перебил он меня.

Моя рука разжалась.

– Сколько?

– Тридцать, – повторил он. – И мы точно не знаем, где конкретно они находятся.

– Но ты только что сказал...

Маркус прищурился.

– Позволь, я расскажу все по порядку. А потом предоставлю слово тебе. В бумагах, которые мне дали осведомители, упомянуты те города США, в которых алхимики ведут активную деятельность. Там же они основали свои центры по перевоспитанию непокорных.

Одно из таких учреждений работает уже несколько лет. И хотя мои осведомители подтверждают, что алхимики действительно построили свой нынешний центр в одном из городов секретного списка, нам точно не известно, какой из них был, в конце концов, выбран и где его расположили. Нам придется проверять один город за другим, и на каждый потребуется время.

Надежда и энтузиазм, которые я ощутил при виде Маркуса, молниеносно испарились.

– И позволь мне сказать: ты намекаешь на несколько дней?

Он поморщился.

– Всегда по-разному, в зависимости от проблем, связанных с проверкой городов. Может, что-нибудь вычеркнем из списка за несколько дней... или недель.

Я думал, что хуже, чем после экзамена и Джилл, я себя уже не почувствую. Я глубоко ошибался.

Я сдался, плюхнувшись на диван.

– Несколько недель, помноженные на тридцать. Проверка займет больше года.

– Если нам не повезет и Сидни не окажется в одном из первых городов, идущих по списку.

Однако я догадался, что сам Маркус не считает это вероятным.

– Ясно. Но события, которые с нами происходили, удачей не назовешь, – пробурчал я. – С чего нам вдруг сразу повезет?

– Это лучше, чем ничего, – возразил Трей. – Список – наша первая реальная зацепка.

– Надо поговорить с ее папашей, – пробормотал я. – Надо ему на мозги надавить, чтобы он мне признался, где Сидни.

Стоит отметить, что наши старания в поиске Джареда Сейджа были безуспешными. Однажды я смог ему дозвониться, но он тотчас же отключился. По телефону внушение плохо работает.

– Допустим, что ты его обнаружишь, Адриан, – произнес Маркус. – Ну и что? Ему, вероятно, известно не больше, чем тебе. Алхимики почти все держат в тайне и даже своим людям не доверяют. Так они защищаются от принудительного признания.

– Ага. – Я встал и направился на кухню, чтобы налить себе горячительного. – Мы пробуксовываем. Загляни ко мне через год, когда сможешь убедиться, что твой список завел тебя в тупик.

– Адриан... – начал Маркус.

Таким растерянным я его еще не видел. Обычно он был воплощением нахальной самоуверенности.

Реакция Трея оказалась весьма прагматичной.

– Хватит! Никакого спиртного. Ты сегодня изрядно набрался, старик.

– Это мне решать! – огрызнулся я.

И вместо того чтобы плеснуть алкоголь в стакан, я схватил наугад пару бутылок и ушел к себе в комнату, хлопнув дверью. Никто меня даже не остановил.

Перед тем как начать свою одинокую попойку, я сделал очередную попытку дотянуться до Сидни. Это было очень непросто: водка, которую я хлебал из фляжки, еще не полностью выветрилась, но мне удалось ухватиться за дух. Разумеется, ничего не обнаружилось, однако уверенность Маркуса в том, что Сидни находится на территории США, придавала мне решимости. На Восточном побережье уже наступил вечер, и я захотел проверить – вдруг она легла спать пораньше. Оказалось, что нет.

Вскоре я утонул в бутылке, отчаянно нуждаясь в забытье. Я мечтал забыть про все. Про учебу. Про Джилл. Про Сидни. Я не знал, что способен впасть в такое черное уныние! Эмоции были настолько мрачными, что я потерял возможность ухватиться хоть за что-то конструктивное. После моего разрыва с Розой я считал, что ужасней той потери просто быть

не может. Нет. У нас с Розой никогда не было ничего настоящего. С ней я лишился возможности, существующей только в моем воображении..

А Сидни?.. С ней у меня было все – и я все разом потерял. Любовь, понимание, уважение. Ощущение, что благодаря друг другу мы оба стали лучше и пока мы вместе, мы можем справиться с чем угодно. А теперь мы были не вместе. Они нас разлучили – и я не знал, что мне делать.

«Центр устоит». Это выражение Сидни составила для нас обоих, основываясь на «Втором пришествии», стихотворении Уильяма Батлера Йейтса. Иногда, в самые безнадежные часы, меня тревожила мысль о том, что верны именно исходные слова: «Все рушится, и центр не устоит».

Я допился до беспамятства, но в результате проснулся посреди ночи с раскалывающейся головой. Вдобавок меня тошнило, но когда я доковылял до ванной, рвоты не было. Мне стало совсем паршиво. Может, дело было в том, что принадлежавшая Сидни щетка для волос до сих пор лежала на полочке и напоминала мне о хозяйке. Или в том, что я не поужинал – и не смог вспомнить, когда я в последний разпил кровь. Неудивительно, что я в таком жутком состоянии. Постепенно моя сопротивляемость спиртному настолько выросла, что мне редко было нехорошо – а значит, на сей раз я действительно облажался. Разумно было бы начать восстанавливать баланс жидкости в организме, пить воду литрами, но я лишь порадовался саморазрушению. Я вернулся в комнату за добавкой и добился только того, что почувствовал себя еще хуже.

К рассвету голова и желудок у меня успокоились, и мне удалось провалиться в беспокойный сон. Меня разбудил стук в дверь. Наверное, стучали тихо, но из-за не прошедшей до конца головной боли ощущался этот звук, как удары кувалды.

– Убирайтесь! – завыл я, устремив заплывшие глаза на дверь.

Трейд заглянул в комнату.

– Адриан, тебе надо кое с кем поговорить.

– Я выслушал все, что изрек милейший Маркус, – заявил я. – Мне не интересно.

Дверь открылась пошире, и кто-то переступил порог моей спальни. Я сел, и хотя мир вокруг меня завертелся, как безумный, я сумел рассмотреть вошедшего. У меня буквально отвисла челюсть и возникло подозрение, что я галлюцинирую. Похоже, я докатился и перешел черту. Вообще-то, я только представлял себе тетю Татьяну, но это видение (не моей тетки, а другой женщины!) казалось реальным и по-настоящему прекрасным – утреннее солнце освещало изящные черты ее лица и бросало блики на золотые волосы.

Но она не могла здесь находиться!

– Ма? – прохрипел я.

– Адриан! – Она скользнула ближе и села на кровать, нежно прикоснувшись к моей щеке. Ее рука приятно холодила мою горящую кожу. – Адриан, пора возвращаться домой.

Глава 3

Сидни

Пожалуй, я могла бы простить алхимикам шоковый удар светом: ведь когда я смогла более-менее нормально видеть, мне предложили принять душ.

Стенка камеры отъехала в сторону, и со мной поздоровалась женщина лет на пять старше меня. На ней был излюбленный алхимиками элегантный костюм, а черные волосы оказались туго стянуты назад и уложены в аккуратный пучок. Макияж у нее был безупречный, и от нее пахло лавандой. Золотистая лилия на щеке сияла. Зрение у меня еще не полностью восстановилось, но стоя рядом с ней, я остро ощутила свое нынешнее состояние: и то, что я толком не мылась уже невесть сколько времени, и прочие неудобства. К ним относилась и моя рубашка, более всего напоминающая половую тряпку.

– Я – Шеридан, – холодно-вяло объявила она, не уточнив, имя это или фамилия.

Мне стало любопытно: а не принимала ли Шеридан прямого участия в моих допросах? Я почти не сомневалась в том, что тюремщики работали посменно и использовали компьютерную программу, которая синтезировала женский голос, чтобы он всегда звучал одинаково...

Мои раздумья перебила Шеридан.

– Сейчас я здесь директор. Иди за мной, пожалуйста.

И Шеридан пошла по коридору, постукивая по полу высокими каблучками черных туфель, а я безмолвно последовала за ней. Я решила держать язык за зубами. Хотя в камере у меня была некоторая свобода движений, она оставалась ограниченной, и ходила я мало. Мои одеревеневшие мышцы сопротивлялись, и в результате я вяло плелась за Шеридан, причем каждый шаг давался моим босым ногам мучительно больно. По пути мы миновали много немаркированных дверей, и я гадала, кто за ними скрывается. Другие темные камеры и механические голоса? Ни единой таблички «ВЫХОД» я не увидела, а сейчас меня волновало именно это. А еще здесь напрочь отсутствовали окна или какие-то иные подсказки на то, как отсюда выбраться.

Шеридан продефилировала до лифта и терпеливо замерла. Когда мы зашли в кабину, то поднялись на один этаж выше и очутились в таком же безликом коридоре.

Шеридан распахнула совершенно неброскую дверь, и перед моим взором предстало нечто вроде душевой при спортзале: кафельный пол и открытые кабинки. Шеридан указала на ближайшую, где были приготовлены мыло и шампунь.

– После включения вода будет литься пять минут, – предупредила она меня. – Расходуй ее с умом. Когда закончишь, оденешься. Я буду в коридоре.

Она покинула помещение, якобы предоставляя мне возможность уединиться, но я точно знала, что за мной продолжают наблюдать. Однако я уже лишилась иллюзии стыда. Я принялась стаскивать с себя рубашку и заметила зеркало на боковой стене... и вздрогнула, увидев собственное отражение.

Я и раньше понимала, что состояние у меня плохое, но взглянуть в лицо реальности было совершенно другим делом. Первое, что меня поразило, – это то, сколько килограмм я потеряла! Забавно: я ведь всю жизнь заботилась о том, чтобы оставаться худой! Цели я определенно достигла и зашла гораздо дальше. Из худой я превратилась в истощенную – с костлявой фигурой и ввалившимися щеками. Болезненный вид усиливали темные круги вокруг глаз и бледная от отсутствия солнца кожа. Казалось, будто я только что справилась со смертельно опасным недугом.

Волосы у меня тоже выглядели отвратительно. Я думала, что в темноте камеры-одиночки я моюсь, в принципе, прилично... увы, я опять заблуждалась! Нелепо висящие пряди были безжизненными и сальными и превратились в жалкие и неопрятные колтуны. Несомненно, я оставалась блондинкой, но волосы потускнели и даже потемнели от пота и грязи, которые мне не удавалось оттирать тряпицей. Адриан всегда говорил, что они у меня как золото, и поддразнивал, называя их нимбом. Что бы он сейчас сказал?

«Адриан любит меня не за прическу», – сказала я, глядя себе в глаза. К счастью, они были теми же – карими и спокойными.

«Это все – внешнее. Моя душа, аура, характер... они не изменились».

Подбодрив себя, я начала отворачиваться от зеркала, но увидела кое-что еще. С тех пор как я в последний раз видела свои волосы, они отросли почти на три сантиметра! Хотя я и чувствовала, что ноги мне давно пора побрить, в камере я не замечала, что творится с моими волосами. Сейчас я пыталась сообразить, насколько быстро они растут. Примерно на полтора сантиметра в месяц? Тогда их новая длина указывала как минимум на два месяца, а может, и на три, если принять во внимание скудное питание. Это потрясло меня сильнее моего внешнего вида.

«Они отняли у меня три месяца, держа под наркотиками в темноте!»

Что с Адрианом? С Джилл? С Эдди? У них могло столько всего произойти! Как они – целы и здоровы? По-прежнему ли в Палм-Спрингсе? Паника захлестнула меня, но я решительно постаралась ее подавить. Да, прошло немало времени, но я не могу допустить, чтобы данный факт на меня повлиял. Алхимики ведут со мной психологическую игру, и я не собираюсь им помогать.

Но... три месяца!

Я сбросила с себя жалкую пародию на одежду и зашла в кабинку, задернув занавеску. Когда я включила воду и полилась горячая, я с трудом удержалась, чтобы в экстазе не рухнуть на пол. В камере я вечно тряслась от холода, а теперь могу получить столько тепла, сколько я пожелаю. Ну... не настолько много. Делая воду максимально горячей, я втайне жалела, что у меня нет ванны, чтобы погрузиться в блаженный жар целиком. Однако душ тоже был великолепен. Я зажмурилась и вздохнула, впервые за долгие месяцы испытывая удовлетворение.

А потом я вспомнила предупреждение Шеридан и, открыв глаза, нашла шампунь. Я намыливала и промывала волосы три раза, надеясь, что удалю хотя бы основную грязь. Наверное, чтобы до конца отмыться, мне понадобится еще раза три принимать душ. Закончив с волосами, я терла тело мылом, пока кожа у меня не стала розовой и раздраженной, слегка пропахнув антисептиком, а потом просто наслаждалась, стоя под струями воды, пока она не отключилась.

Выйдя из запотевшей кабинки, я увидела на скамейке тщательно сложенную одежду. Это был обычный костюм – широкие штаны и рубашка: такие носят больничные работники или, что более уместно в моем случае, заключенные. Бежевый, конечно: ведь алхимики всегда должны были придерживаться некоего уровня хорошего вкуса. А еще мне выдали носки и пару коричневых туфель, нечто среднее между мокасами и балетками, и я нисколько не удивилась, обнаружив, что они именно моего размера. Подарочный набор завершала расческа, что тоже меня несказанно порадовало. Правда, отражение, глазевшее на меня из зеркала, выглядело не особенно хорошо, но улучшения все-таки присутствовали.

– Чувствуешь себя лучше? – осведомилась Шеридан, изобразив на лице улыбку и пронзая меня пристальным взглядом.

Каких бы успехов я ни добилась в улучшении своей внешности, все померкло рядом с ее стильной ухоженностью, но я утешилась мыслью о том, что со мной до сих пор мое самоуважение и способность рассуждать самостоятельно.

– Да, – ответила я. – Спасибо.

– Тебе нужно вот это, – вымолвила она, вручая мне маленькую карточку.

На пластиковом прямоугольнике были мое имя, штрих-код и фотография, сделанная в лучшие времена. Прищепка позволила мне прикрепить карточку себе на воротник.

А затем Шеридан повела меня обратно к лифту.

– Мы рады, что ты выбрала путь к искуплению. Искренне рады. Я предвкушаю, как буду помогать тебе обрести свет.

Лифт поднял нас на следующий этаж. Мы очутились в комнате, где сидел специалист по татуажу. Удовольствие, которое мне принесли горячий душ и настоящая одежда, моментально испарилось. Меня снова разрисуют? Разумеется! Зачем полагаться на физические и психические пытки, когда можно добавить еще и элемент магического контроля?

– Нужно лишь немного подновить твою лилию, – жизнерадостно объяснила Шеридан. – Она ведь уже давняя.

Вообще-то ей было чуть больше года, но я прекрасно понимала, чего добиваются мои тюремщики. Татуировки алхимиков содержали тушь с зачарованной кровью вампиров, напитанной чарами принуждения, которые подкрепляли нашу преданность. Понятно, что моя не работала. Принуждение, как магическое, так и психологическое, – это просто мощное внушение, которое можно побороть, если хватит силы воли. Видимо, они собрались удвоить дозу в надежде сделать меня податливой – чтобы я приняла на веру все разглагольствования, которыми меня собирались пичкать.

Однако они не знали, что я уже приняла специальные меры, чтобы избавиться от их влияния. До того как меня выкрали, я создала собственную краску на основе человеческой магии, которую алхимики ненавидели столь же сильно, как и вампиров. Судя по найденным мной сведениям, такая магия устраняла любое принуждение, созданное с помощью туши на вампирской крови. К сожалению, я не имела возможности ввести краску в свою татуировку и обеспечить дополнительный слой защиты. Я возлагала надежды на утверждение одной знакомой ведьмы: она уверяла, что сам факт применения магии будет меня оберегать. По ее словам, творимая мной человеческая магия насыщает мою кровь, что станет противодействием вампирской туши в тату алхимиков. Конечно, в камере-одиночке у меня не было возможности применять большое количество чар. Я могла только надеяться, что заклинания, которые я творила в прошлом, оставили на мне неизгладимый след.

– Стань снова одной из нас! – воскликнула Шеридан, пока игла тату-мастера уколола мне щеку. – Отрекись от своих грехов и ищи искупления. Присоединись к нам в борьбе за то, чтобы человечество не было запятнано мерзостями вампиров и дампиров. Они – темные создания, им не место в естественном порядке вещей.

Я напрялась, что не имело никакого отношения к игле, прокалывающей мою кожу. Что, если мне солгали? Вдруг магия не спасет меня от воздействия алхимиков? А может, тушь насыщает клетки моего организма, незаметно изменяя мои мысли? Я страшно боялась вмешательства в собственный разум. Мне стало трудно дышать, и на меня нахлынул ужас, парализующий мышцы. Татуировщик сразу же остановился и спросил, не больно ли мне. Судорожно сглотнув, я мотнула головой и позволила ему продолжить, стараясь скрыть панику.

Когда он закончил, я не заметила никаких трансформаций в своем измученном сознании. Я продолжала любить Адриана и моих друзей, мороев и дампиров. Достаточно ли этого? Или тушь подействует не сразу? Я ведь явно смогла преодолеть предыдущую татуировку! Удастся ли мне сделать это вторично?

А Шеридан увлекла меня за собой, непринужденно болтая, словно меня пригласили на косметические процедуры, а не сделали жертвой проверенного алхимического опыта.

– Я после этого всегда чувствую себя обновленной. А ты?

Мне казалось невероятным, что Шеридан способна вести себя так миролюбиво, будто мы – закадычные подруги, отправившиеся на прогулку! Ведь именно она и ей подобные месяцами держали меня в камере – полуголоую и голодную. Неужели она рассчитывала, что я буду настолько рада душе и теплой одежде, что смогу простить остальное? Да, поняла я почти сразу, вероятно, так она и думала. Наверное, множество несчастных, вырвавшихся из тюрьмы, бывают готовы на что угодно, лишь бы им вернули элементарные удобства.

Пока мы поднимались вверх еще на этаж, я отметила, что мысли у меня стали яснее, а чувства – острее, чем раньше. Похоже, по вполне понятной причине: меня ведь не стали бы обрабатывать газом в присутствии Шеридан и, думаю, я впервые за время заключения смогла вдохнуть обычный воздух. До этого момента я не осознавала, насколько громадной оказалась разница. Теперь Адриан смог бы связаться со мной в моих снах – но с этим придется подождать. Зато сейчас, когда мой организм больше не отравлен, я сумею творить магию – и, надо надеяться, справлюсь с алхимической тушью. Правда, найти пару минут, когда за мной не будет наблюдения, скорее всего, будет очень непросто.

В следующем коридоре, куда мы вошли, оказалось несколько одинаковых комнатушек с открытыми дверями, за которыми виднелись узкие койки. Я продолжала запоминать любые мимолетные детали, все этажи и помещения, по-прежнему пытаюсь найти выход, которого, похоже, не существовало.

Шеридан переступила через порог комнаты, на двери которой была выбита восьмерка.

– Я считаю «восемь» счастливым числом, – произнесла она. – Напоминает знак бесконечности. – Она кивнула на ближайшую койку. – Устраивайся здесь, Сидни.

Сперва я была ошарашена, удивлена и не поняла подвоха. Мне что, предлагают спать на настоящей кровати? Не то чтобы она выглядела удобно... но все-таки. Даже простенькая постель безумно далека от голого каменного пола в камере. Она, конечно, с явно жестким матрасом и постельным бельем из того же материала, что моя прежняя рубашка, ну и что с того?... Я смогу спать на кровати, без вопросов! И я увижу во сне Адриана...

– У меня есть соседка? – спросила я, взглянув на соседнюю кровать.

Трудно было определить, живут ли в комнате другие люди: никаких личных вещей здесь не было.

– Да. Ее зовут Эмма. Ты многому могла бы у нее научиться. Мы очень горды ее достижениями. – Шеридан уже выходила из комнаты, и я поняла, что мы здесь задерживаться не будем. – Сидни, сейчас ты с ней познакомишься. И с остальными.

Свернув в другой коридор, мы миновали приоткрытые двери, за которыми маячили пустые помещения вроде обычных классов. С приближением к концу коридора я почуяла нечто соблазнительное, и притупившиеся чувства сразу же всколыхнулись. В воздухе витали запахи пищи. Настоящей, горячей пищи! Шеридан вела меня в столовую. Голод, которого я не осознавала, отозвался в моем животе болезненным спазмом. Я настолько приспособилась к своему жалкому тюремному рациону, что считала состояние истощения нормальным. Только сейчас я осознала, насколько я жажду чего-нибудь, кроме тепловатой кашицы.

Алхимическая столовая не впечатляла – она была на порядок меньше кафетерия Амбервуда. Я насчитала пять столов, за тремя из которых сидели люди в бежевых штанах и рубашках, точь-в-точь похожих на мой костюм. Наверное, здесь обедали мои товарищи по несчастью: все с золотистыми лилиями. Их оказалось двенадцать: значит, я стала «счастливой» тринадцатой. Интересно, что по этому поводу думает Шеридан? Задержанные были разного возраста, пола и цвета кожи, но я была готова биться об заклад, что все они – американцы. Кстати, в некоторых тюрьмах крайне важно создание ощущения, что ты – чужак. Но, поскольку цель этих тюремщиков состояла в том, чтобы вернуть нас в сообщество, я решила, что заключенных будут объединять общие культура и язык. Предполагается, что мы будем стремиться стать похожими на лучших представителей лиги алхимиков, да и вообще

стараться изо всех сил. Глядя на них, я гадала, что с ними случилось, не найдется ли среди них моих союзников.

– Это Бакстер, – произнесла Шеридан, кивая в сторону сурового мужчины в белом. Он застыл у раздаточного окошка и внимательно поглядывал на заключенных. – Готовит он невероятно вкусно. Уверена, что ты будешь в восторге. А вот Эддисон. Она следит за обедом и ведет уроки изобразительного искусства.

Если бы не местоимение «она», я бы и не догадалась, что Эддисон – женщина. Ей, наверное, уже перевалило за пятьдесят, и она была облачена в строгий костюм – столь же официальный, как у Шеридан, но чуть менее элегантный. Эддисон вытянулась в струнку возле дальней стены и пристально за всеми наблюдала. Сбритые волосы на голове отросли короткой щетиной, а лицо с резкими чертами странно не сочеталось с тем, что она жует резинку. Единственным украшением служило алхимическое клеймо – неизменная золотистая лилия.

А я... я даже не ожидала, что она окажется преподавателем живописи, и тут мне в голову пришел новый вопрос.

– Я буду заниматься изобразительным искусством?

– Да, конечно, – ответила Шеридан. – Творчество – превосходное подспорье для исцеления души.

Заключенные негромко беседовали, однако, когда мы переступили порог столовой, в помещении воцарилась мертвая тишина. Все взгляды – как и заключенных, так и надзирателей – устремились прямо на меня. И ни в одном из них не сквозило дружелюбие.

Шеридан прочистила горло, словно мы еще не были в центре всеобщего интереса.

– Внимание! Мне хочется познакомить вас с новой гостьей. Это Сидни. Она только что завершила период размышлений и готова присоединиться к вам, идущим по пути очищения.

Я даже не сразу сообразила, что «периодом размышлений» Шеридан назвала мое время, проведенное в одиночной камере.

– Полагаю, вам будет нелегко ее принять, – ласково продолжила Шеридан. – Я вас в этом не виню. Бедняжка Сидни очень глубоко погружена во тьму, поскольку она была запятнана самым нечестивым образом: близким чувственным контактом с вампирами. Я пойму, если вы не захотите с ней общаться в опасении такого же отравления, но надеюсь, что вы хотя бы будете за нее молиться.

Шеридан механически мне улыбнулась.

– Мы с тобой встретимся позднее, во время исповеди.

После того как я выбралась из камеры, я испытывала тревогу и нервозность, но когда Шеридан направилась к двери, меня захлестнули паника и страхи совершенно иного сорта.

– Погодите! А что мне полагается делать?

– Принимать пищу, дорогая. – Шеридан окинула меня пытливым взглядом алхимика. – Если ты не обеспокоена своим весом. Что ж... тебе решать.

И Шеридан бросила меня на произвол судьбы. Теперь я стояла посреди столовой и ежилась под устремленными на меня пристальными взглядами. Я перешла из одного круга ада в другой. Я еще никогда в жизни не чувствовала себя настолько неловко, выставленная напоказ перед чужаками, которым поведали мои тайны. Я лихорадочно думала, как мне поступить. Мне надо каким-то образом продолжать свою игру и еще на шаг приблизиться к Адриану. Шеридан сказала, чтобы я ела. Но как? Здесь не Амбервуд, где канцелярия назначает старших школьников в помощь новичкам. Наоборот: Шеридан постаралась практически запретить кому-либо из персонала или заключенных мне помогать. То был блестящий тактический ход, который должен был заставить меня сломаться окончательно и добиваться расположения остальных, а может, даже смотреть на начальство с трепетом и воспринимать Шеридан или кого-то вроде нее как своего единственного «друга».

Анализ психологических приемов алхимиков сгладил мою панику. Логика и решение задач – вот что мне по силам. Ладно. Если они хотят, чтобы я сама о себе заботилась, так тому и быть. Я отвернулась от заключенных и спокойно зашагала к окошку, где продолжал хмуриться повар Бакстер. Я выжидающе остановилась перед ним, надеясь, что этого будет достаточно. Зря надеялась.

– Э... извините, – тихо произнесла я. – Могу ли я получить... – Как назвала трапезу Шеридан? В камере я совершенно потеряла счет времени, – свой обед?

В ответ он хмыкнул и отвернулся, делая что-то вне моего обзора. Однако спустя несколько минут он вручил скромно заставленный поднос.

– Спасибо, – поблагодарила я Бакстера.

При этом мои пальцы соприкоснулись с его рукой в перчатке. Повар изумленно вскрикнул и с отвращением скривился. Потом брезгливо стянул перчатку, отбросил ее и заменил новой.

Я ошарашенно взирала на него, а затем решила поискать себе свободное место. Я даже не стала контактировать с заключенными, а присела за один из пустующих столов. Многие до сих пор глазели на меня, но кое-кто уже устался в тарелку. Постепенно в столовой вновь загудели негромкие разговоры. Стараясь не думать о том, обсуждают ли они меня, я сосредоточилась на еде. Моя порция включала в себя скромную миску спагетти с кусочками мяса и консервированным томатным соусом, банан и пол-литровую упаковку двухпроцентного молока. До того как я здесь оказалась, я бы ни к одному из этих продуктов вообще не прикоснулась. Я бы прочла лекцию о жирности молока и о том, что в бананах самое высокое содержание углеводов. Я бы поставила под вопрос качество мяса и содержание консервантов в соусе.

Однако все мои пунктики были напрочь забыты. Еда! Реальная, а не раскисшая безвкусная овсянка. Я начала с банана, заглотив его почти без пауз, а потом притормозила, чтобы не выпить молоко залпом. Что-то подсказывало мне, что Бакстер добавки не дает. Со спагетти я была осторожнее, хотя бы потому, что разум подсказывал: желудок может плохо отреагировать на резкую смену рациона. Но мой организм, похоже, был с этим не согласен: ему хотелось, чтобы я сейчас же слопала спагетти и вылизала тарелку. Что я и сделала. После полуголодного существования в камере-одиночке в течение целых трех месяцев эти спагетти показались мне чудом – деликатесом из высококлассного ресторана в Италии. Правда, от соблазна вылизать тарелку меня избавил звонок, прозвучавший спустя минут пять.

Заключенные дружно встали и отнесли свои подносы к корзине, у которой дежурила Эддисон. Они быстро освободили подносы от остатков еды и аккуратно сложили их на стоящую рядом тележку. Я поспешно последовала их примеру и потащила за остальными из столовой.

После реакции Бакстера на соприкосновение с моей рукой я постаралась избавить провинившихся алхимиков от близости со мной и держалась от них на почтительном расстоянии. Но в узком коридорчике мгновенно образовалась пробка, и маневры, которые некоторые из бедолаг совершали для того, чтобы на меня не наткнуться, в других обстоятельствах были бы комичными. Те, кто оказался подальше, избегали встречаться со мной взглядом и делали вид, будто меня не существует. Те, кому приходилось избегать контакта, пронзали меня ледяными взорами. Я остоленела, услышав громкий шепот:

– Шлюха!

Я приготовилась ко многому – и, конечно, к разнообразным оскорблениям, но это слово застало меня врасплох. Оно настолько сильно меня задело, что я едва не впала в ступор.

Я побрела в класс и терпеливо смотрела, когда же все рассядутся, чтобы не ошибиться с выбором места. Когда я, наконец, нашла свободный стол, двое заключенных, сидевших по

соседству, демонстративно передвинулись от меня подальше. Они были вдвое старше меня, поэтому их поступок имел комичный, но грустный оттенок.

Немолодой инструктор-преподаватель с редующими седыми волосами и гнусавым голосом востропенулся и резко вскинул голову.

– Эльза, Стюарт! Соблюдайте правила.

Раздосадованная парочка вернула свои столы в аккуратные ряды: любовь алхимиков к порядку оказалась сильнее страха перед злом. Но по взглядам, которые бросили на меня Эльза и Стюарт, стало ясно: свежий выговор теперь добавился к списку моих грехов.

Инструктора звали Гаррисон: я опять не разобрала, имя это или фамилия. Я быстро поняла, что он ведет у нас занятия по текущим событиям. На секунду я обрадовалась, решив, что получу представление о том, что творится вне стен тюрьмы. Увы, вскоре выяснилось, что нам предлагают весьма своеобразную трактовку текущих событий.

– Что мы видим? – спросил он, когда на громадном экране появилось изображение двух девушек с разорванным горлом. Несколько рук вскинулись вверх, и он вызвал девицу, которая подняла ее первой: – Эмма?

– Нападение стригоя, сэр.

Я это знала, и меня больше заинтересовала Эмма, моя соседка по комнате. Эмма оказалась практически моей ровесницей. Она сидела так неестественно прямо, что я с уверенностью могла сказать: у нее намечаются проблемы с позвоночником.

– Две девушки убиты рядом с ночным клубом в Санкт-Петербурге, – подтвердил Гаррисон. – Общим еще не исполнилось двадцать. – Кадр сменила очередная мерзкая картинка: на сей раз на ней был изображен мужчина, у которого явно выкачали всю кровь. – Будапешт. – Затем новый снимок. – Каракас. – Еще один. – Шотландия. – Инструктор выключил проектор и принялся расхаживать перед сидящими. – Я бы хотел обнадежить вас, сказав, что они прошлогодние. Или хотя бы сделаны в прошлом месяце. Но боюсь, что я в таком случае вам солгу. Кто-нибудь хочет высказать предположение, когда именно они сделаны?

Эмма опять вскинула руку:

– На прошлой неделе, сэр?

– Правильно, Эмма. Исследования показывают, что нападения стригоев не уменьшились по сравнению с этим же периодом прошлого года. Есть указания на то, что они учащаются. Как вы думаете, почему?

– Защитники не охотятся на стригоев, как им давно следовало бы!

Что-то Эмма никак не уgomонится. «Господи! – подумала я. – У меня в соседках отличница процесса перевоспитания».

– Есть такая теория, – кивнул Гаррисон. – Защитники в основном заняты пассивной охраной мороев, а не активным поиском стригоев ради всеобщего блага. А когда выдвигались предложения по увеличению их числа за счет снижения возрастной планки вербуемых, морои эгоистично их отвергали. Видимо, им хватает телохранителей, чтобы чувствовать себя в безопасности, и они не собираются проявлять милосердие, помогая остальным.

Мне пришлось прикусить язык. Я точно знала, что это неправда. Морои страдают от нехватки защитников, поскольку дампиоров мало. И дампиоры, к тому же, не способны иметь детей от себе подобных! Они появились на свет в те времена, когда люди и морои свободно общались: их раса продолжала существовать за счет того, что морои сочетались с дампиорами, но при этом всегда рождались дети-дампиоры. Вот так генетическая загадка! Друзья рассказали мне, что возраст защитников сейчас был острейшим вопросом, и королева мороев, Василиса, активно участвовала в его обсуждении. Она боролась за то, чтобы дампиоры не становились полноценными защитниками до восемнадцати лет – не из эгоизма, а потому что была убеждена: они имеют право жить нормальной жизнью подростков, прежде чем броситься в гущу событий.

А еще я отлично понимала, что здесь неуместно делиться такой информацией. А если предположить, что кому-то в классе известна правда о дампирях, то, конечно же, этот человек утаивает ее от своих собратьев по несчастью. Значит, мне нельзя рисковать и высказывать свое мнение. Надо подчиниться правилам и вести себя покорно, дескать, я встала на праведный путь, а потом добиться максимального числа привилегий.

Я задумалась, а Гаррисон продолжал вещать:

– Очередной причиной может быть то, что морои содействуют увеличению численности стригоев. Если вы спросите у мороев, то они будут утверждать, что не хотят иметь никаких дел со стригоями. Но можем ли мы им верить, когда сами они способны с легкостью превратиться в кровожадных отвратительных чудовищ? Для мороев это просто стадия развития. Они ведут «нормальную» жизнь, заводят детей, ходят на работу, но когда к ним начинает приближаться старость... До чего же удобно выпить немного больше крови у своих «добровольных» жертв, заявить, что это была чистая «случайность», – и хоп!.. Вы понимаете, в кого они превращаются?..

Гаррисон вошел в раж. Помимо прочего, он часто использовал жест, обозначающий кавычки, поэтому у меня уже в глазах рябило.

– Они превращаются в стригоев, бессмертных и неуязвимых. А как же иначе? Морои – существа слабовольные, в отличие от людей. И они определенно не сильны духом. Как они могут устоять перед соблазном вечной жизни? – Гаррисон с наигранной грустью потупился. – Боюсь, что именно поэтому численность стригоев не снижается. Наши так называемые союзники не слишком-то нам помогают.

– Где ваши доказательства?

Высказанное вслух возражение стало потрясением для всех присутствующих, особенно когда они поняли, что исходило оно от меня. Мне хотелось дать себе оплеуху и забрать свои слова назад. Меня освободили из камеры два часа назад! Но было поздно: мой голос разнесся по всему классу. Даже не учитывая мой личный интерес к мороям, я терпеть не могла, когда кто-то представлял измышления и сенсационные заявления как факты. Алхимикам следовало быть умнее: именно они обучали меня искусству логики.

Заключенные устали на меня. Гаррисон подошел к моему столу и замер.

– Ты – Сидни, верно? Как приятно видеть тебя на занятии сразу после периода размышлений. И особенно приятно, что ты начала говорить спустя так мало времени – ведь ты только что к нам присоединилась. Сперва новички выжидают. Итак... ты не будешь любезна повторить свои слова?

Я судорожно сглотнула, ругая себя за опрометчивость, но была вынуждена подчиниться.

– Я спросила, где ваши доказательства, сэр. Ваши доводы убедительны и звучат правдоподобно, но если мы не получим доказательств, которые бы их подтвердили, мы сами уподобимся чудовищам, распространяющим ложь и пропаганду.

Заклученные шумно вздохнули, а Гаррисон склонил голову к плечу.

– Ясно. А у тебя, Сидни, есть объяснение, подкрепленное «доказательством»?

Он опять изобразил в воздухе кавычки.

Ну почему я не промолчала?

– Видите ли, сэр, даже если бы дампиров-защитников было столько же, сколько стригоев, силы оказались бы не равны, – начала я. – Стригои почти всегда сильнее и быстрее, и хотя некоторым защитникам удается убивать в одиночку, часто им приходится охотиться на стригоев группами. Если рассмотреть реальную численность дампиров, будет ясно, что она уступает численности стригоев. Дампиры – в меньшинстве. Их репродукция происходит медленнее, чем у мороев или людей... или у стригоев, если данный термин к ним применим.

– Насколько я понимаю, ты у нас эксперт по репродукции с мороями, – усмехнулся Гаррисон. – Возможно, у тебя есть личная заинтересованность в том, чтобы самой помочь увеличить популяцию вампиров.

По классу пронеслись смешки, и я обнаружила, что невольно краснею.

– Отнюдь, сэр. Я всего лишь имею в виду, что если мы критически проанализируем причины, по которым...

– Сидни, боюсь, МЫ ничего анализировать не будем, – прервал меня Гаррисон. – Мне очевидно, что ты не вполне готова участвовать в наших занятиях.

У меня оборвалось сердце. Нет. Нет-нет-нет! Они не могут отправить меня обратно в темноту, когда я из нее вырвалась!

– Сэр...

– Думаю, что очищение будет способствовать тому, чтобы ты участвовала в занятиях наравне со всеми нами, – добавил Гаррисон.

Я и понятия не имела, о чем он говорит, но внезапно дверь класса распахнулась, и на пороге появились двое крепких мужчин в костюмах. Как же я могла забыть о камерах наблюдения! Я хотела что-то возразить, но громилы молниеносно вывели меня в коридор, не дав воззвать к инструктору. Тогда я попыталась поспорить с ними, твердя, что здесь явно произошло недоразумение! Им надо предоставить мне еще шанс, и мы все, конечно, уладим... Как бы не так! Они продолжали бесстрастно молчать, и мое сердце предательски сжалось. Вдруг меня опять посадят под замок? Я слишком снисходительно отнеслась к тому, что сочла психологическими трюками алхимиков с использованием обычных благ, и не заметила, насколько сильно я уже на них рассчитываю. Мысль о том, что я буду унижена и лишена элементарных удобств, была почти невыносимой.

Однако громилы спустили меня только на один этаж, а не на тот уровень с камерами-одиночками. Я очутилась в комнате, залитой ярким светом, как в больницах. Я увидела плоский экран, а перед ним – большое кресло с наручниками. Шеридан стояла подле него с обычным своим благодушным видом... и помахивала иглой.

Но не иглой для татуажа. Она была длинная и страшная, как для инъекций.

– Сидни, – ласково сказала Шеридан, пока верзилы приковывали меня к креслу. – Сидни, как обидно, что мне пришлось снова с тобой встречаться в таких печальных обстоятельствах.

Глава 4

Адриан

У меня накопилось к маме столько вопросов, что я не знал, с чего начать. Наверное, главным было то, что она вообще здесь делает: насколько я знал, она отбывала срок в тюрьме мороев за лжесвидетельство и препятствование расследованию убийства.

– У нас еще будет время на разговоры! – решительно заявила она. – А сейчас надо успеть на самолет. Человеческий мальчик, ты не найдешь ли нам чемодан?

– Его зовут Трей, – подсказал я. – И он – мой сосед, а не камердинер.

Я проковылял к шкафу и вытащил из него чемодан, который купил, когда переезжал в Палм-Спрингс.

Мама быстро начала складывать мои вещи, словно мне опять было восемь лет.

– Ты уезжаешь? – потрясенно спросил Трей.

Его недоумение было наглядным отражением того, что чувствовал я сам.

– Наверное, да, – пробормотал я и задумался.

Внезапно мне в голову пришла мысль, которая мне очень понравилась. Почему я нахожусь здесь и терзаю себя в этой душевной пустыне? Сидни исчезла. В последнее время я веду себя, как сумасшедший, а Джилл поспешно учится отсекаать меня, перекрывая нашу связь. И потом... через месяц она тоже отсюда уедет.

– Да, – уверенно повторил я. – Точно, Трей. Квартира оплачена до осени. Можешь жить здесь и дальше.

Мне необходимо сменить обстановку. Сбежать от воспоминаний о Сидни. Она – повсюду, куда бы я ни посмотрел: не только в моей квартире, но и в Амбервуде, и вообще на всех улицах Палм-Спрингса. Город просто заставлял меня вспомнить ее образ... И хотя я не отказался от поисков, я продолжу их в таком месте, которое не причиняет мне боль, Наверное, мне стоит начать с чистого листа.

И еще... мама вернулась! Мне ее не хватало – не так, как Сидни, конечно, – но контактов с ней у меня тоже почти не было. Мать не хотела, чтобы я общался с ней во сне, а отец отказывался передавать письма. Я беспокоился о том, как Даниэлла Ивашкова выживает в тюрьме, – но, судя по ней, заключение не слишком сильно на ней отразилось. Она оказалась такой же элегантной, изысканно одетой и умело накрашенной и двигалась по квартире с той целеустремленностью и властностью, которые были ей свойственны... и сыграли свою роль в ее аресте.

– Держи, – произнесла она, отходя от комода и положив на мою раскрытую ладонь что-то блестящее. – Сдавать их в багаж не следует.

Я опустил взгляд и уставился на сверкающую россыпь бриллиантов и рубинов в платиновой оправе. Запонки мне подарила моя тетя Татьяна. Она вручила их мне для «особых случаев», как будто у меня было множество поводов вдевать в манжеты рубашки украшения ценой в несколько тысяч долларов. Может, у меня и были бы такие моменты, если бы я остался при дворе. В Палм-Спрингсе они стали соблазном: я едва не отнес одну из них в ломбард, когда отчаянно нуждался в наличности.

Я крепко стиснул запонки в кулаке – так, что острые углы впились мне в ладони, – а потом спрятал в карман.

Мама упаковала чемодан меньше чем за десять минут. Когда я привлек ее внимание к тому, что она сложила только малую часть моих вещей, она с досадой отмахнулась:

– Некогда. Купим при дворе..

Ясно. Мы отправляемся ко двору. Я не очень-то и удивился. Мои родители владели недвижимостью по всему миру, но королевский дворец в горах Поконо в Пенсильвании являлся их главной резиденцией. Если честно, мне было наплевать, куда мы направляемся, – лишь бы поскорее уехать отсюда.

В гостиной нас ждал настороженный защитник. Мама представила мне его как Дейла и добавила, что он будет также и нашим шофером. Я неловко попрощался с Треем, который был ошеломлен столь резким поворотом событий. Он спросил, надо ли что-нибудь передать от меня Джилл и ребятам... Я на минуту задумался, но затем покачал головой:

– Ни к чему.

Джилл поймет, почему мне понадобилось уехать, почему необходимо было уйти от своих воспоминаний и неудач. Все, что я мог бы сказать ей вслух, померкнет по сравнению с тем, что она узнает через нашу мистическую связь. Ну а потом Джилл либо разболтает все остальным, либо придумает красивую отговорку. Эдди решит, что я трусился, но трехмесячные бесплодные поиски приблизили меня только к нервному срыву, а не к Сидни. Возможно, сейчас я сделал правильный выбор.

Мама купила до Пенсильвании билеты бизнес-класса, и Дейл сидел в нашем ряду через проход. Я долго вел экономную студенческую жизнь, поэтому от таких расходов у меня даже закружилась голова, но чем дольше я сидел рядом с мамой, тем естественнее все становилось. Стюардесса предлагала пассажирам напитки, но из-за похмелья я отказался от спиртного в пользу воды. Кроме того, я не хотел притуплять разум и настроился на серьезный разговор с матерью.

– Я вернулась домой неделю назад, – поведала она непринужденным тоном, будто уезжала на курорт. – Конечно, я была занята тем, что наводила везде порядок, но на первом месте в моих мыслях был ты.

– Откуда ты знала, где я нахожусь? – спросил я.

Моя дислокация, будучи тесно связанной с местом, где жила Джилл, являлась тщательно хранимой тайной. Никто не стал бы подвергать Джилл опасности и выкладывать первому попавшемуся встречному мои координаты.

Она нахмурила брови.

– Я получила странное сообщение. Анонимное. Там говорилось, что ты переживаешь «трудные времена» и я тебе нужна. Там имелся твой адрес и строгое указание никому о нем не говорить, поскольку ты выполняешь важное поручение королевы. Я полагаю, что ты каким-то образом пытался защитить нас от стригоев. Весьма впечатляет, Адриан.

«Переживаю трудные времена». Именно так накануне вечером Джилл оправдывала меня, когда я забыл про ее показ мод. Я чуть было не застонал. Никто не будет рисковать благополучием Джилл и сообщать моей матери, где я нахожусь, – кроме самой Джилл.

– Кто-нибудь знает, что ты... на свободе? – осведомился я.

– Нет, конечно, – ответила мама с обиженным видом. – Я никогда не выдаю тайн, которые связаны с будущим мороев. Если существует способ уничтожить стригоев, то я внесу свой вклад и буду помогать тебе в твоем деле. Хотя должна признать, милый, ты и впрямь выглядишь не очень хорошо.

Ладно. Похоже, мама считает, что мы в Палм-Спрингсе просто вели научные исследования и изучали стригоев. Неплохая легенда. Будем надеяться, что теперь она не станет слишком волноваться по этому поводу.

– «Не очень хорошо» – это мягко сказано, – заметил я.

Она накрыла ладошкой мою руку.

– Что случилось? Ты был таким молодцом! Насколько я поняла, ты снова посещаешь занятия? И ты служил королеве?

Вздрыгнув, я вспомнил, что до сих не узнал насчет оставшихся двух предметов. Должен ли я и по ним сдавать заключительные экзамены? Или надо подготовить финальный проект? Я был так потрясен приездом мамы и возможностью убраться из города, что совершенно забыл навести справки в колледже. Значит, я распрощался с последней возможностью окончить колледж. Мама говорила об учебе с такой гордостью, что я не смог сказать ей эту часть правды.

– Угу, дел было много, – промямлил я туманно.

– Тогда что случилось? – повторила она свой вопрос.

Я встретился с ней взглядом и прочел в нем нетипичное сочувствие, которое видели от нее очень немногие. До тюремного заключения ее считали чопорной аристократкой Даниэлой Ивашковой, холодной и равнодушной к окружающим. Я тоже знал ее такой, но бывали редкие и яркие минуты, когда она превращалась в заботливую мать. И неожиданно я выложил ей правду... вернее, некий ее вариант.

– Ну... я встретил девушку, мам.

Она вздохнула.

– Ах, Адриан. И все?

– Вовсе нет! – возмущенно воскликнул я. – Ту самую девушку! Она все для меня изменила. Она изменила меня.

– Я поняла, Адриан, – откликнулась она, желая меня успокоить. – Извини. И что с ней?

Я попытался придумать способ передать истинное положение вещей.

– Ее родственники меня не одобрили.

Теперь возмутилась моя мать: естественно, она решила, что речь идет о какой-то девушке-моросе.

– Чушь! Ты родом из лучших семейств, и по линии Тарусов, и по линии Ивашковых. Сама королева не могла бы потребовать более аристократического происхождения. Если родные девушки тобой недовольны, то они явно заблуждаются.

Я криво улыбнулся.

– С этим я спорить не буду.

– Тогда в чем проблема? Если она совершеннолетняя... Ох, Адриан, только не говори мне, что она еще не совершеннолетняя.

– Она взрослая.

Моя мать с облегчением вздохнула.

– Тогда она способна решать за себя и быть с тобой, не обращая внимания на то, что думает ее семья. А если она – на их стороне, то тебе не нужно переживать, и тогда тебе лучше с ней расстаться.

Мне хотелось сказать, что все не так просто, но я промолчал. Мама плохо относилась к моей связи с Розой. Дампир был непростителен. А человек – вообще недопустим.

– По-моему, дело не только в моем происхождении, но и во мне самом, – буркнул я.

Мать неодобрительно прищелкнула языком.

– Посмотрим, не передумает ли она. Кто мог отвергнуть моего мальчика? Но мне бы хотелось, чтобы ты не реагировал на подобные вещи настолько остро. Что у тебя с девушками, милый? Почему они... либо ничего для тебя не значат – либо значат все? У тебя – вечно крайности.

– Я не принимаю полумер, мама. Особенно в любви.

Когда самолет приземлился, я включил мобильник и обнаружил длинное послание от Джилл:

«Да, это была я. Ты переехал в Палм-Спрингс ради меня, но я подумала, что тебе пора все менять. Лисса сообщила, что твоя мама вернулась, я решила, что тебе полезно было бы с ней повидаться, и помогла вам наладить контакт. Надеюсь, ты не против».

«Ты лучше всех, Малышка», – написал я ей.

Ее ответ вызвал у меня улыбку:

«Еще не все! Для двух предметов требовались заключительные проекты, а не экзамены. Мы с Треем покопались у тебя в квартире и нашли кое-какие материалы, которые ты забросил. Их можно сдать! Не знаю, поставят ли тебе зачет, но дюжина баллов – лучше, чем полное их отсутствие».

Ожидаемо. Джилл следила за моей успеваемостью, когда я игнорировал колледж. Я начинал массу проектов, и, в общем-то, непонятно, который из них выбрала она, но в моей нынешней ситуации это, наверное, неплохой расклад. Если бы я попытался специально подготовить что-нибудь для зачета сейчас, я бы точно провалился.

А теперь все в руках судьбы.

Однако пока Дейл вез нас с мамой ко двору, я снова погрузился в раздумья. Мама упомянула, что вернулась неделю назад. Джилл дала матери мой адрес, определенно добившись большего эффекта за счет ее личного приезда, – но была ли в том необходимость? Хотя любые данные о Джилл держались в строгом секрете, Лисса обязательно должна была позаботиться о том, чтобы у матери появился безопасный способ связаться со мной сразу же после освобождения – если бы мама задала ей такой вопрос. Почему она медлила? Создавалось впечатление, что она откладывала все на потом, и лишь когда Джилл обратила ее внимание на мои проблемы, она предприняла решительные действия.

Но даже если бы я был в полном порядке, маме ведь захотелось бы со мной встретиться... не так ли?

Или, может, я чрезмерно увлекся анализом ситуации. Я не сомневался в том, что мама меня любит. При всех ее недостатках я был ей дорог – и, видя ее живой и здоровой, я понял, насколько сильно тревожился за нее, пока она находилась в заключении. Но стоило мне заговорить о времени ее отсутствия, она неизменно меняла тему разговора.

– Все закончилось, – вымолвила она, когда мы подъехали к воротам охраняемого периметра дворца. – Приговор исполнен, и нам больше не о чем говорить. Но тебе следует знать только одно – заключение заставило меня пересмотреть свои приоритеты. Теперь я понимаю, что действительно важно. – Она ласково дотронулась до моей щеки. – И ты в списке моих приоритетов на первом месте, милый.

Королевский двор мороев устроен как университет: масса старинных готических зданий, расположенных на обширной территории. В мире людей считалось, что это – учебное учреждение, частное и элитарное, в дела которого посторонние практически не допускаются. Правительственные чиновники и определенное количество благородных мороев жили тут на постоянной основе, а еще здесь были предусмотрены гостевые помещения и всяческие службы, делавшие жизнь приятной. В каком-то смысле королевский двор был небольшим закрытым городом.

Я предположил, что мама отвезет нас в семейный особняк, но ошибся: мы оказались у гостевых зданий.

– Ты долго жил один, и я не могла рассчитывать, что тебе захочется ютиться с отцом и со мной, – объяснила она. – Позже ты выберешь что-нибудь на свой вкус, а сейчас королева пожелала, чтобы ты располагался в гостевом домике.

Я удивился, но мама была права: мне совершенно не хотелось, чтобы отец следил за моими поступками и перемещениями. Да и она тоже, если говорить начистоту. Уж поверьте мне, я не собирался устраивать при дворе необузданные оргии и безумства. Я приехал сюда ради того, чтобы начать все с чистого листа, и был полон решимости использовать любые способы для спасения Сидни. Тем не менее я подумал, что после того, как мать приложила столько усилий, чтобы меня найти, она запросто посадит меня под замок.

Дежурный за конторкой в вестибюле выделил мне номер, и мама крепко обняла меня, прощаясь.

– У меня кое-что назначено, но давай встретимся завтра, Адриан! Мы пригласили гостей на обед. Не сомневаюсь, твой отец будет рад тебя видеть. Заходи, поговорим. Я же могу за тебя не волноваться?

– Конечно, – подтвердил я. – Из-за перелета и смены часовых поясов мы потеряли немалую часть дня.

«У меня осталось мало возможностей влипнуть в неприятности», – пронеслось в моей голове.

– Я, наверное, рано лягу, – добавил я.

Она снова меня обняла, а затем я поднялся по лестнице и, распахнув дверь, обнаружил стандартный номер с гостиной и спальней на уровне пятизвездочного отеля. Занеся чемодан в спальню, я сразу же сделал несколько телефонных звонков и начал составлять планы. Потом наспех принял душ (первый раз за сегодняшний день) и убрался в номер.

Но я не собирался пускаться во все тяжкие.

Разумеется, многие сочли бы любую встречу с Розой Хэтуэй и Лиссой Драгомир как искушение.

Девушки занимали здание, которое все называли королевским дворцом. Снаружи оно походило на ничем не примечательный университетский корпус, но стоило переступить порог – и на тебя наваливалась роскошь Старого Света: хрустальные люстры, бархатные занавеси, портреты монархов прошлых веков. Апартаменты королевы были модернизированы: их обустраивали с учетом ее личных вкусов, а не как знак ее положения. Я порадовался, что она заняла не те покои, где прежде жила – и умерла – моя тетя. Мне и раньше было дико сюда являться, поэтому воспоминания о Татьяне сейчас были бы лишними.

Девушки находились в гостиной Лиссы. Сама Лисса сидела на диване по-турецки, обложившись книгами, а Роза сумела устроиться вниз головой на кресле: ее длинные темные волосы рассыпались и свисали до пола. При моем появлении она вскочила с дамповской ловкостью и грацией. Подлетев ко мне, она коротко и по-дружески меня обняла.

– Ты здесь, Адриан! Наконец-то! Я сначала решила, что это шутка. Думала, ты живешь с Джилл.

– Я ей не нужен, – ответил я и направился к дивану, чтобы обнять Лиссу, оторвавшуюся от книг. – Учеба заканчивается, у нее – куча разных дел.

– Знакомая история! – воскликнула Роза, выразительно покосившись на Лиссу. – С мисс Заучкой стало ужасно скучно.

Лисса добродушно улыбнулась своей лучшей подруге.

– Экзамены начинаются завтра.

– У меня уже закончились, – непринужденно заявил я и улыбнулся.

– Как успехи? – спросила Лисса, устраиваясь на диване поудобнее.

Я посмотрел на ее книги.

– Скажем так: я не вкладывал в них столько трудов, сколько вложила ты.

– Вот видишь? – проворчала Роза.

Она плюхнулась в кресло, демонстративно скрестив руки на груди.

Я устроился на стуле между ними и задумался о своих крохотных шансах успешно закончить семестр.

– По-моему, Лисса подходит к учебе правильно.

В свои восемнадцать Лисса оказалась самой юной королевой за всю историю мороев: ее избрали в период хаоса, последовавшего за смертью моей тетки. Никто не стал бы ее упрекать, если бы Лисса выбрала колледж или просто попыталась учиться заочно. Однако Лисса не изменила своей давней мечте о крупном университете и сочла, что как монарху ей

вдвойне важнее получить отличное образование. Она посещала частный университет Лихай, расположенный в нескольких часах езды, и не снизила успеваемость, правя буйным народом. Они с Сидни наверняка бы поладили.

Лисса пристроила ноги на кофейный столик, а я с помощью духа ловко проверил ее ауру. Она ощущалась теплой и спокойной, какой ей и следовало быть, с золотыми вспышками, свойственными собрату, владеющему техниками духа.

– Тогда ты не обидишься, если я уделю тебе мало времени. Мне надо заучить кое-какие даты и названия мест, а рано утром мы поедem в универ. До конца экзаменационной недели будем жить в общежитии.

– Я тебя не задержу, – произнес я. – Я лишь хотел кое о чем тебя спросить.

Лисса вскинула брови, и я понял, что она сочла мой визит исключительно светским.

– Ты не интересовалась тем, что случилось с Сидни Сейдж?

Любопытство сменилось глубоким изумлением.

– Опять то же самое? – выпалила Лисса.

Это прозвучало более жестоко, чем ей хотелось. Только входившие в наш круг в Палм-Спрингсе знали, что значит для меня Сидни, а Лисса даже не была связана с Сидни дружбой, в отличие от Розы.

И действительно, при упоминании о моей девушке Роза насупилась.

– Она не нашлась?

Лисса посмотрела на нас обоих.

– Я не узнала ничего особенного, после того как ты спрашивал о Сидни месяца три тому назад, хотя я навела справки. Я выяснила, что Сидни дали новое назначение, но сведения о ней строго засекречены.

– Ложь! – с жаром воскликнул я. – Алхимики ее выкрали и отправили в один из своих чертовых центров перевоспитания!

– Ты уже это говорил – и если ничего не изменилось, то ты также признал, что никаких доказательств у тебя нет, – бесстрастно ответила Лисса. – Поэтому я не могу обвинить их во лжи. Кроме того, какое у меня право задавать вопросы о том, чем конкретно занимаются алхимики со своими подчиненными?

– Ты имеешь такое право, поскольку их действия идут вразрез с нормальным человеческим отношением и уважением к другим. Они ее удерживают и пытаются!

Лисса поджала губы.

– И опять-таки я не могу вмешиваться в их дела, Адриан. Кстати, защитники часто хватают вампиров, сбегающих с подготовки, после чего наказывают их. А если бы алхимики попытались жестко диктовать нам свои условия, как бы мы тогда поступили? Мы бы ответили им то, что я говорю тебе сейчас: вопрос не в нашей юрисдикции. У них свои люди, у нас – свои. Но если бы алхимики представляли опасность для кого-то из моих подданных, тогда – да, я имела бы полное право на них давить.

– Но ты не будешь, потому что Сидни человек, – без всякого выражения сказал я.

Все надежды, с которыми я сюда ехал, рухнули.

Роза взглянула на меня с сочувствием:

– Ее точно пытаются?

– Да, – подтвердил я. – Ну... то есть я имею в виду, что я не сумел связаться ни с ней, ни с кем-то из ее окружения, чтобы узнать всю правду, которая творится в застенках. Хотя я общался с человеком, который в курсе подобных ситуаций.

В светло-зеленых глазах Лиссы, так похожих на глаза Джилл, светилось сочувствие... ко мне.

– Адриан, ты понимаешь, как странно звучат твои речи?

Я пылал гневом и негодованием – из-за собственной беспомощности. А еще из-за того, что алхимики задурили Лиссу своим враньем.

– Поверь мне! Сидни подружилась со всеми нами. Она перестала вести себя как алхимик, считающий нас порождениями зла. Она – наш друг. Сидни относилась к Джилл, как к сестре – и, по иронии судьбы, родная сестра Сидни ее и предала. Можешь спросить у Эдди. Ее захватили в его присутствии.

– Но он не присутствовал при том, что происходило после этого, – закончила за меня Лисса. – Ему неизвестно, увезли ли ее на пытки, как ты утверждаешь. Эдди не видел, не перенаправили ли ее куда-то еще, к примеру в центр перевоспитания. Может, похищение – единственная «обработка», которую устроили Сидни алхимики, если решили, что вы подбиваете их идеологию.

– Они сделали гораздо больше, – прорычал я. – Я нутром чую.

– Лисс, ты ведь могла бы что-то сделать... – нерешительно начала Роза.

И во мне вновь вспыхнула надежда. Если Роза будет на моей стороне, то мы, вероятно, сумеем уговорить кого-нибудь еще помогать нам за кулисами.

– Послушай, а что, если мы изменим подход? – произнес я. – Вместо того чтобы напрямую спрашивать алхимиков, ты могла бы отправить... ударную группу, которая проверит несколько вероятных мест, где удерживают... провинившихся алхимиков?

Эта идея показалась мне просто блестящей. У Маркуса маловато ресурсов для проверки списка, но если мы привлечем мороев и других дампиров, тогда дело в шляпе.

Роза оживилась.

– Я буду счастлива поучаствовать. Сидни – моя подруга, а у меня есть опыт с...

– Нет! – взвилась Лисса и вскочила с дивана. – Прекратите, оба! Вы хоть слышите, что вы несете? Вы просите меня отправить «ударную группу», чтобы вломиться в учреждения алхимиков! Это же повод к объявлению войны! Вы представляете себе, что случится? Какая жуткая может быть интрига?... А если бы они отправляли группы людей, для того чтобы проверять нас самих?

– Зная их двойную мораль, я бы не удивился, если бы они уже пытались это сделать, – отозвался я.

– Нет, – повторила Лисса. – Я не могу ничего сделать, если ситуация прямо не касается моего народа. Я была бы рада помочь всем на свете – в том числе и Сидни. Но сейчас мои обязанности ограничены исключительно моими подданными. Если я и стану рисковать, то только ради них.

Я встал, переполненный злостью, разочарованием и другими чувствами, которые я даже не мог определить.

– Я считал тебя совсем другим лидером. Тем, кто стоит на стороне добра.

– Это так и есть, – ответила она, с трудом сохраняя спокойствие. – Между прочим, я добиваюсь расширения прав дампиров и поддерживаю мороев, которые хотят сами себя защищать. Я добиваюсь изменения возрастных правил, чтобы моя собственная сестра не скрывалась и не пряталась! Вдобавок я успеваю учиться в университете и пытаюсь игнорировать весьма активную группировку, которая требует, чтобы меня лишили власти. Даже не спрашивай, какое время я уделяю своей личной жизни. Доволен, Адриан?

– У тебя хотя бы есть личная жизнь, – проворчал я и побрел к двери. – Извини, что прервал твои занятия. Удачи на экзаменах.

Роза позвала меня и, кажется, двинулась следом за мной, но Лисса ее окликнула, и верная подруга вернулась на место.

Я покинул королевские апартаменты и зашагал по переплетению дворцовых коридоров. Меня терзали ярость и обида. Я был уверен, что, если обращусь к Лиссе лично – на трезвую голову! – и изложу свои доводы, она что-нибудь предпримет ради Сидни. Естественно,

алхимики блокировали официальные усилия Лиссы, но ведь она могла найти группу из подобных Розе авантюристов, чтобы ребята поразнюхали, что к чему! Лисса меня подвела: объявила себя борцом за правду, а в итоге оказалась бюрократкой, как и все политики.

Меня охватило темное и коварное отчаяние. Оно будто говорило мне, что глупо было сюда ехать. Почему я вообразил, что все изменится? Роза вроде хотела мне помочь, но разве я способен добиться, чтобы она действовала за спиной своей лучшей подружки? Наверное, нет. Роза увязла в системе. А я – в своей бесталанности. Я бесполезен для Сидни, бесполезен для всех и вся...

– Адриан!

Я уже собирался выйти из дворца, когда услышал у себя за спиной женский голос. Повернувшись, я обнаружил, что ко мне бежит сероглазая девушка-морой с темными кудрявыми волосами.

Моя душевная буря лишила меня способности узнавать лица, но спустя секунду я понял, кого я вижу.

– Нина?

Она расплылась в улыбке и неожиданно бросилась мне на шею.

– Адриан! – восклицала она. – А я боялась, что ты пропал! Ты не отвечал на мои сообщения и звонки!

– Не принимай на свой счет, – заверил я Нину, придерживая для нее дверь. – Я вообще ни с кем не общался.

Я не солгал. Когда Сидни похитили, я отгородился от мира.

Чудесные серебристые глаза Нины тревожно всматривались в мое лицо.

– Адриан, ты в порядке?

– Да-да. То есть я хотел сказать, нет. Как-то все очень непросто.

– Я никуда не тороплюсь, – объявила она, выходя на улицу, где царил теплая летняя ночь. – Можем чем-нибудь перекусить и поговорить.

Я колебался, не зная, хочу ли откровенничать. Я познакомился с Ниной в начале года, вскоре после того, как она посодействовала своей сестре превратиться из стригоя в мороя. Нина, как и я, являлась пользователем духа и помогла мне, когда я пытался собрать силу, необходимую для преобразования стригоя. Как мы выяснили, эта магическая сила могла быть использована в качестве вакцины, не давая обратить других против их воли. Ее сестра, Оливия, была предметом трепетной любви Нейла. Они виделись несколько раз, и связь их, наверное, оказалась недолгой, но когда девушка исчезла, Нейл тосковал по ней так, словно они провели вместе много лет.

– Я умею слушать, – добавила Нина, видя, что я молчу.

Я коротко ей улыбнулся.

– Не сомневаюсь. Просто не хочется тебя напрягать.

– Что? – Она хрипло хохотнула. – А ты попробуй! Во-первых, дух неплохо с этим справляется, и у тебя будет серьезная конкуренция. С тех пор как я вернула Оливию... у тебя он бывает? Темный унылый туман?

– Угу, – ответил я. – Еще как бывает-то.

– Он меня теперь каждый день навещает, поэтому жизнь – это настоящий праздник, как ты, конечно, понимаешь. А после того, как мне досталось из-за Оливии, сестренка взяла и сбежала в порыве духовного искательства! Решила, видите ли, что ей нужно «побыть в одиночестве» и осмыслить все происшедшее! Ей каким-то образом удастся обрывать наши сны раньше, чем я успеваю с ней поговорить. Я хотела отправиться на ее поиски, но Соня упорно требует, чтобы я оставалась во дворце и помогала ей исследовать духа. Меня поселили в шикарных апартаментах, но средств для существования у меня нет, и мне пришлось устраиваться подрабатывать секретарем. Ну, что я тебе скажу... «обслуживание клиентов»

в лице эгоистичных особ королевской крови... Я спустилась в очередной круг ада! – Нина резко замолчала, вспомнив, с кем разговаривает. – Не обижайся.

Я засмеялся – по-моему, впервые за очень долгое время.

– Никаких обид: я же понимаю, на каких типов ты намекаешь. Но, кстати, если ты сможешь пообщаться с сестрой, передай ей, что она разбивает бедняге Нейлу сердце.

– Принято, – откликнулась Нина. – Похоже, что Нейл – один из предметов ее осмысливания.

– Это хорошо или плохо? – поинтересовался я.

– Понятия не имею! – рассмеялась она.

Я улыбнулся и неожиданно решил принять ее приглашение.

– Ладно. Давай поедим. Хотя, честно, у меня был тяжелый день. Я бы лучше выпил.

Ты как, поддержишь?

Думаю, я озвучил неудачную мысль, но меня это и раньше не останавливало.

Нина схватила меня за руку и потащила к соседнему зданию прямо по газону.

– Слава богу! – проговорила она. – Уже и не надеялась, что ты меня позовешь!

Глава 5

Сидни

Когда я увидела у Шеридан шприц, то подумала, что меня ждет экстремальное обновление татуировки. Например, такое – вместо маленьких порций зачарованной туши она собралась вкатить мне чудовищную дозу, которая заставит меня быть покорной и послушной.

«Это не имеет значения, остынь, – приказала я себе. – Использование магии меня защищает, какие бы объемы они ни использовали».

Хотя я себя убедила, я не была стопроцентно уверена, так ли все обстоит в действительности.

А в конце концов оказалось, что Шеридан задумала нечто совершенно иное.

– Наш последний разговор дал мне надежду! – посетовала она, всаживая иглу в мою руку. – Даже не верится, что предоставленная самой себе, ты не продержалась и часа.

Я едва не произнесла: «Привычка – вторая натура», – но быстро сообразила, что, если хочу добиться прогресса, мне необходимо демонстрировать раскаяние.

– Мне очень жаль, – заныла я. – Само вырвалось. Я принесу Гаррисону свои извинения, если только...

Странное ощущение возникло у меня в желудке: оно началось как легкий дискомфорт, но, стремительно нарастая, превратилось в сильнейшую тошноту, которая целиком завладевает телом. Казалось, у меня в животе поднимается приливная волна. Голова чудовищно заболела. Я ощутила, что у меня поднимается температура, вся кожа покрылась потом.

– Меня сейчас вырвет, – пробормотала я.

Мне хотелось выскользнуть из кресла, но я была надежно закреплена ремнями.

– Нет, – заявила Шеридан. – Не стошнит. Пока. Наслаждайся зрелищем.

Подлокотники и подголовник не позволяли мне повернуть голову, заставляя смотреть прямо перед собой, на экран. Он загорелся, и я приготовилась увидеть ужасающие картинки. Однако вместо них я увидела... мороев. Веселых. Дружелюбных. И детишек мороев.

Каждый из них занимался обычными делами. Они играли, ели в ресторанах...

Меня мутило, и я не могла как следует разбираться в непонятных изображениях. Поэтому я отчаянно боролась с рвотными позывами. А тошнота была именно такого толка – ты знаешь, что тебе станет лучше, если тебе удастся просто избавиться от отравы. Но почему-то Шеридан оказалась права. Я не могла вызвать у себя рвоту, как бы мне этого ни хотелось. Вот мне и приходилось сидеть, испытывая отвратительные, разъедающие нутро приступы, которые терзали мои внутренности. Меня захлестывали волны муки. Трудно поверить, что во мне уместилось столько кошмарных ощущений! Я застонала и закрыла глаза – в основном чтобы голове стало чуточку легче. Но Шеридан истолковала мое поведение иначе.

– Не советую, Сидни, – произнесла она. – Послушай знатока: все будет гораздо легче, если будешь смотреть добровольно. У нас есть способы держать твои глаза открытыми. И уверяю, они тебе не понравятся.

Я сморгнула слезы и уставилась экран. Сквозь страдания я попыталась понять, почему Шеридан столь важно, смотрю ли я на изображения счастливых мороев. Какое это имеет значение, если меня наизнанку выворачивает?

– Вы стараетесь... – Я подавилась, и на секунду мне показалось, что я получу желанное облегчение. Увы, я ошиблась. – Создать у меня рефлекс, как у собачки Павлова, – закончила я.

Конечно, алхимики использовали классический способ выработки условного рефлекса. Показывать мне образ и вызывать отвратительные ощущения в моем мозгу. Цель будет заключаться в том, что безвредные, веселые морои начнут у меня ассоциироваться с крайним дискомфортом и страданиями. Проблема была всего одна.

– Вам понадобятся повторные сеансы, чтобы добиться успеха, – сообщила я и сглотнула.

Взгляд, который адресовала мне Шеридан, красноречиво говорил о том, чего я могу ожидать в будущем.

У меня оборвалось сердце. Или, может, мой желудок. Если честно говоря, в тот миг у меня внутри царил чудовищный хаос и все мои органы буквально сплелись в один жгучий ком. Не знаю, как долго меня держали в этом состоянии. Думаю, не меньше часа. Я потеряла счет времени и просто судорожно пыталась перенести кипящую волну тошноты, сотрясавшую мое тело.

Наверное, спустя целую вечность Шеридан сделала мне новый укол, а экран погас. Ее подручные расстегнули фиксаторы, а кто-то подставил мне ведро.

Несколько мгновений я не понимала, зачем мне оно. А затем вещество, что не давало моему организму очиститься, прекратило свое действие. Остатки скудного обеда вышли обратно, однако мой желудок продолжал содрогаться. У меня началась сухая рвота, а потом я давилась, пока все, наконец, не прошло. Это был долгий болезненный процесс, и меня уже не волновало то, что меня только что вывернуло наизнанку в присутствии посторонних. И хотя это было ужасно, я почувствовала себя лучше, избавившись от химического снадобья, которое вызывало у меня нескончаемый приступ тошноты.

Прислужник тотчас забрал у меня ведро, а Шеридан любезно вручила мне стакан воды и разрешила почистить зубы у раковины, которая была предусмотрена в помещении. Возле нее я заметила битком набитый настенный шкафчик с медикаментами, а еще зеркало, позволившее мне увидеть свое жалкое отражение.

– Итак, Сидни, похоже, ты готова к уроку изобразительного искусства, – жизнерадостно объявила Шеридан.

Что-что? Я хотела свернуться в клубок и отключиться от реальности! Мое тело ослабело и тряслось, а желудок болезненно ныл. Однако никому не было дела до моего истощенного состояния: прислужники вывели меня из комнаты. Шеридан помахала мне, пообещав, что мы скоро увидимся.

Сопровождающие доставили меня наверх, к классным комнатам, и проводили до художественной студии для заключенных. Эддисон, суровая и бесполой надзирательница из столовой, как раз начинала занятие, объясняя задание (оно заключалось в том, чтобы продолжить изображать миску с фруктами). Вполне предсказуемо для тюремного урока рисования: преподаватели должны были выбирать для своих «подопечных» самые скучные объекты. Несмотря на то что Эддисон продолжила говорить, не обращая внимания на мое появление, все взгляды – любопытные, но холодные – устремились на меня. На лицах большинства заключенных появилось суровое выражение. Некоторые заключенные даже выражали легкое злорадство. Все знали, что со мной произошло.

Единственное, что я поняла по уроку рисования, как и по предыдущему, посвященному перевоспитанию: самыми хорошими местами, в отличие от Амбервуда, здесь считались те, которые находились ближе к учителям. Это позволило мне прошмыгнуть к пустому мольберту в задней части класса. Теперь я могла надеяться, что заключенные не будут таращиться на меня, открыто игнорируя Эддисон. Я была права. Почти все мои усилия уходили на то, чтобы сохранить равновесие, поэтому ее речь я слушала вполуха.

– Некоторые из вас вчера прекрасно поработали. Эмма, твоя картина действительно продвигается. Лэйси и Стюарт, вам лучше начать заново.

Я осматривалась, пытаясь сопоставить заключенных с их работами, которые мне было отлично видно. Но сперва я решила, что недавняя процедура затуманила мне мозги: замечания Эддисон показались мне совершенно бессмысленными. Но нет: я никого не перепутала. Вот Эмма, вроде бы моя соседка по комнате: девушка азиатско-американского происхождения с волосами, стянутыми в такой тугий узел, что даже кожа на лице натянулась. Меня ее картина не особо впечатлила: на холсте едва можно было различить фрукты. Стюартом звали одного из тех, кто отодвинул свой стол от моего на занятии Гаррисона. У него обнаружились художественные способности, и его произведение показалось мне интересным. Я не сразу догадалась, кто такая Лэйси: это выяснилось, когда она сменила свой холст на чистый. Ее картина была неплохой, хотя и недотягивала до уровня Стюарта. По-моему мнению, Эмма вообще плелась позади.

«Значит, дело не в умении, а в точности», – подумала я и вздохнула. Груши у Стюарта получились идеально, но он нарисовал на пару штук больше, чем было на самом деле. А еще он изменил положение фруктов и сделал миску синей (что выглядело гораздо лучше, чем та коричневая, которая стояла в классе). Эмма, чья картина отличалась примитивностью, изобразила нужное количество фруктов и разместила их безупречно, а вдобавок идеально передала все цвета. Алхимикам не нужны фантазия или украшательство. Задача заключалась в том, чтобы скопировать все, как велено, без вопросов и отклонений.

Никто не пытался предложить мне помощь или совет, поэтому сначала я просто тупо пыталась разобраться в том, что делают остальные. Общась с Адрианом, я узнала об азах работы с акриловыми красками, но никакого практического опыта не приобрела. В конце концов я заметила полочку с предназначенным для учеников запасом кистей и тюбиков, так что я вместе с несколькими учащимися поплелась к ней и попыталась выбрать краски. Меня все сторонились. Когда я отдавала предпочтение какому-то цвету, а потом отвергала его из-за недостаточной яркости, то следующий заключенный демонстративно обтирал тюбик, прежде чем унести к своему мольберту.

Спустя пять минут я вернулась к своему месту с тюбиками. Хотя я и не могла поручиться за свой дар живописца, я была более или менее уверена, что цвета подобрала точно. Надо же мне сыграть в предложенную алхимиками игру!

Но дело продвигалось очень медленно. Мне по-прежнему было плохо, и слабость не прошла: мне с трудом удавалось выдавить немного краски. Оставалось надеяться, что оценка не будет зависеть от скорости. Когда я осмелилась прикоснуться кистью к холсту, дверь комнаты распахнулась и в студию вошла Шеридан в сопровождении подручного алхимика. У обоих в руках были подносы с чашками, и мне не надо было ждать объяснений директора: содержимое я определила по одному лишь запаху.

Кофе.

– Извините, что прерываю, – промурлыкала Шеридан с широкой фальшивой улыбкой. – В последнее время все столь усердно работали, что мы решили побаловать вас ванильным латте.

Я заморгала, изумленно глядя, как заключенные собираются вокруг нее и берут по чашке. Ванильный латте! Сколько раз я грезил именно о таком кофе, когда сидела в темной камере-одиночке и хлебала кашу-размазню? Пусть даже латте будет с пенкой и с массой сахара. Я не пила кофе три месяца, и первым моим порывом было подбежать к Шеридан и схватить чашку.

Но я не могла так поступить. Только не после почти неукротимой рвоты, которой я мучилась. Желудок и горло горели, и я понимала: если съем или выпью что-нибудь, помимо воды, все тотчас выйдет обратно. Манящий аромат терзал мой разум, но мой бедный раздраженный желудок оказался мудрее. Я сейчас и жидкую кашку не осилила бы, не говоря уже о кофе с его кислотностью.

– Сидни! – окликнула меня Шеридан, одарив меня фирменной улыбочкой, и приподняла поднос с оставшейся чашкой.

Я молча покачала головой, и она переставила латте на стол к Эддисон.

– Это – на всякий случай, если ты передумаешь, ладно?

Я впилась взглядом в латте. При этом я гадала, чего бы Шеридан больше хотелось: видеть мои страдания и лишения или наблюдать, как я рискну и меня вырвет в присутствии класса.

– Твой любимый? – тихо спросил чей-то голос.

Я была уверена, что ко мне никто не мог обращаться прямо, поэтому даже не сразу начала искать взглядом говорившего. С огромным усилием я оторвалась от созерцания ванильного латте и обнаружила, что ко мне обратился мой сосед – высокий худощавый и симпатичный парень лет на пять старше меня. Он носил очки в металлической оправе, вносящие вклад в образ интеллектуала... который был и без того характерен для алхимиков.

– Почему ты так решил? – негромко поинтересовалась я.

Он понимающе улыбнулся.

– Так всегда бывает. Когда новичок попадает на первое очищение, других «награждают» одним из любимых продуктов проштрафившегося. Извини, кстати, – он замолчал и сделал глоток латте. – Я уже целую вечность не пил кофе.

Я поморщилась и посмотрела себе под ноги:

– Чтоб ты провалился.

– Ты хотя бы устояла, – добавил он. – Не каждый справляется. Эддисон не любит, чтобы мы рисковали и распивали в студии горячие напитки, но еще меньше ей нравится, когда тут кого-то рвет.

Я покосилась на нашу преподавательницу, которая что-то внушала седовласому заключенному.

– Думаю, ей вообще мало что нравится. Не считая жевательной резинки.

Запах кофе в комнате усилился: он одновременно манил и вызывал отвращение. Отчаянно пытаясь отвлечься, я взялась за кисть и собралась изобразить виноградины, когда рядом кто-то осуждающе поцокал языком.

– Ты собралась прямо так начать? Если ты лишена правильных алхимических принципов, то алхимическая логика у тебя должна быть! Держи, – парень протянул мне карандаш. – Сделай набросок. Хотя бы нанеси сетку, чтобы ориентироваться.

– Не боишься, что я заражу твой карандаш? – выпалила я и прикусила язык.

Он засмеялся.

– Оставь его себе.

Я повернулась к холсту и внимательно на него посмотрела. Потом я осторожно разделила пространство на четыре части и постаралась зарисовать миску с фруктами, соблюдая правильную перспективу. В середине процесса я обнаружила, что мольберт для меня чересчур высок, что усложняло ситуацию, однако я не могла понять, как его отрегулировать. Заметив мою беспомощность, юноша наклонился и ловко установил мольберт на нужной высоте, после чего опять вернулся к своей работе.

– Спасибо, – произнесла я.

Холст с наброском свел на нет все удовольствие, которое мне мог бы доставить дружеский жест моего соседа. Я снова попыталась сделать зарисовку.

– Я сто раз видела, как мой парень так делал. Не думала, что сама буду рисовать в качестве извращенной «терапии».

– Твой парень – художник?

– Да, – напряженно ответила я, сомневаясь в том, хочу ли обсуждать щекотливую тему: из-за Шеридан ни для кого уже не было секретом, что мой бойфренд – морой.

Мой сосед смешливо фыркнул.

– Творческая натура? Любопытно. Обычно, когда сталкиваюсь с такими девушками, как ты, которые влюбляются в вампиров, то я слышу только о том, какие они симпатичные.

– А он и правда симпатичный, – призналась я.

А сколько таких, как я, он встречал?

Юноша качнул головой, продолжая рисовать.

– Конечно. Иначе ты ведь не стала бы рисковать, верно? Алхимики не влюбляются в морюев, если они не мрачно-романтичные.

– А я не говорила, что он мрачно-романтичный.

– Ага. Он – «симпатичный» вампир, который пишет картины. И ты подразумеваешь, что он не бывает мрачным?

Я покраснела.

– Иногда бывает. Ладно... часто.

Мой сосед тихо рассмеялся.

Мы замолчали, но юноша первым нарушил паузу.

– Я – Дункан, – представился он.

Я так удивилась, что у меня дрогнула рука – и в результате мой и без того неудачный банан превратился в месиво. Это были первые искренне вежливые слова, которые я услышала за три с лишним месяца.

– Я... Сидни, – на автомате ответила я.

– Знаю, – отозвался он. – Приятно познакомиться, Сидни.

У меня опять задрожали пальцы, и мне пришлось отложить кисть. Я выдержала месяцы лишений в темноте, вынесла враждебные взгляды и ругань товарищей по несчастью – загадочным образом перенесла медикаментозную тошноту, не выронив ни слезинки. Однако простое проявление дружелюбия, милый и совершенно обычный разговор... он выбил меня из колеи и едва не сломил меня, когда остальное не сработало. Внезапно я осознала, насколько я далека от всего: от Адриана, от друзей, от безопасности, от здравого рассудка. Та жизнь была потеряна. Я оказалась в удушающей атмосфере тюрьмы строгого режима, где каждым моим действием управляли люди, стремящиеся изменить мое мышление. И не было никакой ясности, когда я смогу отсюда выбраться.

– Ну-ка, прекрати, – резковато произнес Дункан. – Они обожают, когда кто-то плачет.

Я заморгала, справляясь со слезами, и, поспешно кивнув, взялась за кисть. Я приложила ее к холсту, едва следя за тем, что делаю. Дункан вернулся к своему мольберту и, глядя на холст, сказал:

– Ты, наверное, сумеешь съесть ужин. Но не увлекайся. Выбирай еду разумно, и пусть тебя не шокирует, если в меню окажется еще один твой любимый продукт.

– А они умеют быть убедительными? – проворчала я.

– Еще как. – Даже не глядя на Дункана, я поняла, что он улыбается. А он добавил – уже серьезным тоном: – Ты напомнила мне одну здешнюю знакомую. Мы подружились. Когда власти это засекли, она исчезла. Друзья – это броня, а они такого не любят.

Я ничего не ответила.

– Сидни, тебе ведь ясно, что я имею в виду? – уточнил Дункан.

– Ага.

– Вот и отлично. Потому что мне хотелось бы с тобой подружиться.

Прозвучал звонок, означающий окончание занятия, и Дункан принялся собирать свои вещи. Когда он направился к выходу, я вдруг спросила:

– Как ее звали? Подругу, которую увезли?

Он замер, и в его глазах промелькнула боль. Я пожалела о своем вопросе.

– Шанталь, – прошептал он. – Я не видел ее целый год.

Что-то в его голосе заставило меня заподозрить, что они были не просто друзьями. Но я не смогла думать об их отношениях, сосредоточившись на другом.

– Год!.. – повторила я и вздрогнула. – Что ты вообще натворил?

Он печально улыбнулся.

– Не забудь, я тебя предупредил насчет дружбы, Сидни.

Я кивнула. И когда Дункан больше со мной не общался, а присоединился к заключенным, которые глазели на меня и издевательски смеялись, я все поняла. Ему нельзя демонстрировать расположение ко мне, потому что за нами постоянно следят сотоварищи и наблюдатели-алхимики. Но слова Дункана пылали во мне, придавая мне силу. «Друзья – это броня. Я хочу с тобой подружиться». Пока я не способна вырваться из тюрьмы, где людей изводят пытками и давлением на психику, но у меня появился друг – один-единственный, – и о нашей тайне здесь никто и не знает. Вот что вдохновляло меня – помогло мне выдержать тяжелое занятие с антиморойской пропагандой и не дало сорваться, когда в коридоре какая-то девица подставила мне подножку и прошипела:

– Вампирская шлюха.

Последнее занятие стало для меня неприятным сюрпризом. В действительности это было собрание, названное «временем исповедания», и устроили его в помещении, которое называли святилищем: наверное, по воскресеньям здесь проходила церковная служба. Я отметила про себя данный факт и подумала, что смогу вести хоть какой-то календарь.

Этот просторный зал с высоким сводом и деревянными скамьями был просто чудесным. Правда, окон в нем не оказалось. Конечно, алхимики серьезно отнеслись к тому, чтобы перекрыть нам путь к побегу, и решили не давать нам возможность даже изредка видеть солнце и небо.

Боковую стену святилища испещряли какие-то записи, и я задержалась перед ней, пока провинившиеся проходили дальше. На покрытых белой краской кирпичиках оставляли записи те заключенные, которые были заперты в этом исправительном центре. Я принялась разбирать надписи. Некоторые поражали краткостью: «Прости, ибо я согрешил». Другие отрывки содержали подробное перечисление того, что было сочтено преступлением, и свидетельствовали о том, как заключенные жаждут искупления. Какие-то были подписаны, но многие оставались анонимными.

– Это Стена истины, – сообщила Шеридан, приблизившись ко мне с блокнотом в руках. – Иногда люди чувствуют себя лучше, признавшись в своих грехах. Может, тебе захочется присоединиться?..

– Позже, – ответила я.

Я поплелась к стульям, расставленным кругом в стороне от церковных скамей. Заключенные уселись, и Шеридан никак не отреагировала, когда мои ближайшие соседи отодвинули свои стулья сантиметров на десять-пятнадцать подальше.

Сам процесс исповедания являлся неким видом групповой психотерапии: Шеридан пригласила круг поделиться тем, чего каждый достиг за сегодняшний день. Первой подняла руку Эмма.

– Я поняла, что добилась успехов в восстановлении своей души. Но мне еще предстоит долгий путь, прежде чем я достигну совершенства. Величайшим грехом является уныние, и я буду идти вперед, пока целиком не погружусь в свет.

Сидевший рядом с ней Дункан сообщил:

– Я добился прогресса в живописи. Когда началось сегодняшнее занятие, я думал, что ничего хорошего не получится. Но я ошибся.

Если я и испытывала желание улыбнуться, оно исчезло, когда девушка рядом с ним объявила:

– Сегодня я поняла, насколько я рада, что не такая плохая, как Сидни и ей подобные. Сомневаться в полученных приказах было неправильно, зато я все-таки не допускала, чтобы кто-то из... темных созданий прикоснулся ко мне своими нечестивыми руками.

Я содрогнулась, ожидая, что Шеридан похвалит девушку за ее добродетель. Однако Шеридан устремила на девушку ледяной взор.

– Ты и впрямь так считаешь, Хоуп? Ты что – имеешь право решать, кто среди вас лучше или хуже? Не забывайте: вы оказались здесь исключительно потому, что совершили серьезные преступления. Пусть твое неповиновение не привело к такому же мерзостному результату, как у Сидни, но оно исходило из той же тьмы. Неповиновение, нежелание прислушаться к тем, кто лучше знает, – вот о каком грехе идет речь. Ты виновата ничуть не меньше, чем она.

Хоуп сильно побледнела. Думаю, ее только чудом не приняли за стригоя.

– Я... я не хотела сказать... то есть... я... – забормотала она.

– Хоуп, ты еще блуждаешь в потемках, – произнесла Шеридан наставительным тоном. – По-моему, тебе требуется пройти обучение.

По невидимому сигналу появились подручные Шеридан, которые выволокли протестующую Хоуп вон из помещения. Меня затошнило, что не было связано с сегодняшним очищением. Неужели Хоуп тоже ждет наказание в кресле, хотя ее виной оказалась гордыня, а не оправдание мороев?

А Шеридан повернулась ко мне.

– А ты что скажешь, Сидни? Что ты поняла?

Заключенные уставились на меня.

– Ну... я еще в самом начале пути. Мне очень многое надо понять.

– Ты права, – согласилась она. – И осознание – важный шаг к искуплению. Не хочешь ли поделиться с нами твоей историей? Полагаю, ты убедишься в том, что признание облегчит душу.

Я замялась под давлением мрачных взглядов и гадая, какой ответ принесет мне больше неприятностей.

– Я бы хотела, – начала я медленно, – но я пока не готова. Я слишком потрясена...

– Разумеется, Сидни, – изрекла Шеридан, и я невольно расслабилась. – Но когда ты увидишь, как все здесь совершенствуются, то, вероятно, захочешь с нами поделиться. Невозможно преодолеть грехи, если держишь их в себе.

В ее тоне звучало предостережение, которое вызвало у меня нервозность, и я покорно кивнула. К счастью, Шеридан быстро переключилась на другого заключенного, и я смогла перевести дух. Остаток часа я слушала, как они распинаятся насчет того, каких удивительных успехов добились в изгнании тьмы из своей души. Было бы интересно узнать, кто из них действительно говорит то, что думает, а кто, как я, хочет вырваться на свободу. А еще я недоумевала: если они добились таких потрясающих результатов, то почему до сих пор остаются здесь?

Наконец, нас отпустили в столовую. Переминаясь с ноги на ногу в очереди, я молчала, а мои товарищи по несчастью оживленно обсуждали то, что курицу с пармезаном в последнюю минуту заменили на феттучини альфредо – лапшу в сырно-сливочном соусе. Внезапно до меня донеслись чьи-то слова, что, дескать, феттучини альфредо – любимая еда Хоуп. Когда она – бледная и растерянная – заняла свое место в очереди, заключенные смерили Хоуп презрительными взглядами и отвернулись. Я поняла, в чем дело. Курица с пармезаном была в детстве моим любимым блюдом, о чем властям доложили мои родные. Конечно, ее первоначально внесли в меню, чтобы наказать меня и помучить мой подорванный очищением желудок. Однако «серьезный» проступок Хоуп вызвал поспешную замену блюда. Алхимики скрупулезно относились к наглядной демонстрации.

Мою догадку подтвердило несчастное выражение лица Хоуп, которая сидела в одиночестве за столиком и смотрела на тарелку, даже не притрагиваясь к вилке и ножу. Хотя соус и показался мне слишком жирным, я уже чуть-чуть оправились, смогла съесть немного пасты и выпить молока. То, что Хоуп третировали, как и меня, глубоко меня обескуражило. Совсем недавно я видела, как она активно со всеми общается! Теперь же ее начали сторониться. Сочтя это за удачный момент, я привстала, намереваясь подойти к Хоуп. Сидевший в дальней части столовой Дункан, весело болтавший с соседями по столу, поймал мой взгляд и мотнул головой. Поколебавшись, я села, стыдясь собственной трусости и сожалея, что не заняла сторону отверженной.

– Она бы тебе спасибо не сказала, – прошептал мне Дункан полчаса спустя.

Мы находились в скромной тюремной библиотеке: нам разрешалось выбрать книгу, чтобы почитать перед сном. На полках художественной литературы не имелось, что лишний раз подкрепляло принципы алхимиков.

– Такое случается, а завтра она уже будет с остальными. Если бы ты к ней подошла, то привлекла бы излишнее внимание и, возможно, отсрочила возвращение Хоуп к своим. Что еще хуже, если бы она стала бы с тобой общаться. Начальство бы сразу решило, что смутьяны объединяются.

Дункан выбрал книгу вроде бы наугад и ушел, не дав мне времени для ответной реплики. Кроме того, мне хотелось спросить у него, когда меня здесь примут как свою – и примут ли вообще. Наверняка все заключенные однажды проходили через то, что сейчас уготовано мне. А потом они влились в крохотный общий мирок.

Когда я переступила порог своей комнаты, Эмма дала мне понять, что с ней никаких прорывов у меня не будет.

– У меня большой прогресс, – сухо сообщила она. – Я не желаю, чтобы ты его испортила своими извращениями. Тут мы только спим. Не разговаривай со мной. Не взаимодействуй со мной. Не смотри в мою сторону, насколько возможно.

Она взяла свою книгу и легла на кровать, демонстративно повернувшись ко мне спиной. Но меня ее поведение уже не волновало. Это ничем не отличалось от отношения все остальных, кроме того, сейчас меня занимало совсем другое – то, о чем я не разрешала себе думать. Мне пришлось преодолевать множество испытаний и трудностей, но теперь они позади. День завершился. Наступает ночь. Надев пижаму (ничем не отличающуюся от моего дневного костюма) и почистив зубы, я легла в постель, с трудом сдерживая радостное предвкушение.

Скоро я засну. И увижу Адриана.

Мысль о нем таилась в уголке моего сознания, поддерживая в самые тяжелые моменты. Вот к кому я стремилась, вот ради кого стойко перенесла все тюремные унижения. Я вырвалась из одиночки и не дышу дурманным препаратом. Сейчас я нормально засну, и он мне приснится... если волнение не вызовет у меня бессонницу.

Как выяснилось, мое беспокойство не имело значения. После часа, отведенного для чтения, прозвучал звонок, и свет автоматически отключили. Дверь нашей комнаты, отодвигавшаяся в сторону, не полностью доходила до косяка, поэтому из коридора в спальню проникал луч света. Я была ему даже рада – после многих месяцев кромешной тьмы. Я услышала щелчок, как будто выдвинулась задвижка, заперевшая дверь. Я закуталась в одеяло, полная радости... и внезапно ощутила чудовищную усталость. Только что я обдумывала, что скажу Адриану – и вдруг мои веки отяжелели, а глаза закрылись. Я боролась с этим, стараясь сосредоточиться, но на меня словно накатывался густой туман, который придавливал меня и мутил разум. Ощущение показалось мне очень знакомым.

– Нет!.. – сумела выдавить я.

Я не избавилась от газа. Алхимики по-прежнему регулировали наш сон – наверное, чтобы исключить ночные сговоры. Но я была донельзя измучена, чтобы еще о чем-то думать. Вязкий сон засосал меня, увлекая в темноту, лишённую грез и видений.

Не было надежды сбежать.

Глава 6

Адриан

Нина оказалась классным собутыльником, и не просто потому, что пьянела медленно.

Даже в тот момент, когда она не работала с духом активно, она не теряла интуицию, которой обычно обладают все пользователи духа. Она молниеносно подмечала, когда мне хочется о чем-то говорить, и, что еще важнее, когда мне хочется помолчать. Мы начали беседу в каком-то тихом баре, и я был рад предоставить ей инициативу. Похоже, за последние несколько месяцев жизни при дворе Нине не удалось обзавестись друзьями, и после исчезновения Оливии ей не с кем было откровенничать.

– Я ничего не понимаю, – поделилась она со мной. – Меня вроде как боятся. То есть уверяют, что нет, но я-то чувствую! Меня сторонятся.

– Многие до сих пор опасаются духа. И пожив среди мороев, дампинов и людей, могу тебе сказать: народ боится того, чего не понимает. – Я взмахнул соломинкой от коктейля. – Между прочим, и люди, и вампиры чересчур ленивы или невежественны, чтобы попытаться разобраться в проблеме.

Нина печально улыбнулась.

– Ага, но все принимают Димитрия и Соню. А ведь они были стригоями! Казалось бы, с таким сжиться гораздо труднее, чем с девушкой, которая просто помогла кого-то реабилитировать!

– Ха! Поверь мне, очень многие до полусмерти пугались, когда эта парочка только только реабилитировалась. Но галантность и героические поступки Димитрия быстро заставили об этом забыть. А Соня прославилась благодаря своей работе над «антистригойской вакциной».

– Все настолько просто? – уточнила Нина. – Мне и Оливии достаточно будет совершить великие деяния, чтобы окружающие забыли про наше прошлое?

– Ты вообще ничего не должна делать, если тебе не хочется, – заявил я. – А что, Оливия именно из-за этого скрылась? Слишком трудно было жить среди других?

Нина хмуро посмотрела на край бокала. Она пила «Космополитен» – на мой вкус, он изрядно приторный и фруктовый. Я позволил себе на секунду задуматься о том, что бы пила Сидни, если бы позволила себе спиртное. Какой-то девичий коктейльчик вроде «Космо»? Нет. Я решил, что если бы Сидни стала пить, то предпочла вино. И она оказалась бы из тех знатоков, кто по одному глотку способен определить год, регион и состав почвы, на которой рос виноград. А я? Да я не могу отличить столовое вино от марочного! Я начал улыбаться, но поспешно спрятал улыбку, чтобы Нина не подумала, что я смеюсь над ней.

– Не знаю, почему Оливия исчезла, – проговорила она после паузы. – И это почти так же больно, как и то, что она вообще уехала. Я – ее сестра. И я ее вернула! – Нина запрокинула голову, и в ее серых глазах блеснули слезы. – Если ее что-то тревожило, она должна была первым делом обратиться ко мне. После того, что я ради нее перенесла... неужели она думала, что я ее не выслушаю? Неужто Оливия не понимает, как сильно я ее люблю? Мы с ней – одной крови – наши узы не разорвать никому и ничему! Я ради нее пойду на все!.. Если бы она только попросила, доверилась мне настолько, чтобы поговорить...

Она задрожала, а в ее голосе появились безумные нотки, которые я узнал. Со мной тоже так бывало, когда из-за духа я становился неуравновешенным.

– Вдруг ей показалось, что ты из-за нее надрываешься? – предположил я, бережно накрывая ее руку своей ладонью. – Ты тянулась к ней во сне?

Нина кивнула, успокаиваясь.

– Она всегда говорит, что у нее все в порядке и ей нужно еще немножко времени.

– Вот видишь! Мама твердила мне то же самое, пока находилась в заключении. Иногда каждому надо разобраться в чем-то самостоятельно.

– Наверное, – признала она. – Но мне ужасно не нравится, что она одна. Почему бы ей не наладить контакт с Нейлом или с кем-нибудь еще?

– По-моему, Нейл будет только за. Но он будет рад узнать, что Оливия хочет разобраться в себе. Наверное, он с уважением отнесется ко всей этой идее, связанной с самостоятельным прохождением своего пути.

Я допил свой бокал и заметил, что Нина давно расправилась с «Космополитеном».

– Повторим? – предложила она.

– Не-а. – Я встал и бросил на стол пару купюр. – Давай сменим заведение. Ты ведь говорила, что хочешь с кем-то пообщаться?

– Да, – неуверенно ответила она. – А где найти вечеринку, чтобы поразвлечься?

– Я – Адриан Ивашков! – провозгласил я. – А значит, вечеринки меня находят!

То было небольшим преувеличением, поскольку в действительности мне самому пришлось отправиться искать вечеринку... зато угадал я с первого раза. Ванесса Жельски из королевской семьи, учившаяся со мной в Олдере, обычно организовывала сборища по выходным в дворцовых апартаментах родителей. Я решил, что вряд ли в ее привычках что-то изменилось. Вдобавок я был осведомлен о том, что ее предки продолжают постоянно путешествовать. Мы с Ванессой раза три обжимались: и легкого флирта было достаточно для благодушия и благосклонности с ее стороны. Но, к сожалению, я не сомневался в том, что Ванесса удивится или расстроится – ведь я нахально заявился на ее вечеринку в компании с девушкой.

– Адриан! – воскликнула она, проталкиваясь ко мне на людной лужайке за родительским особняком. – Ты ли это?

– Собственной персоной. – Я чмокнул Ванессу в щечку. – Ванесса, познакомься, пожалуйста, с Ниной... Нина – Ванесса.

Ванесса смерила Нину суровым взглядом и выгнула бровь. Ванесса была светской барышней и хотя, вероятно, назвала бы свою вечеринку «непринужденной», платье ее наверняка было из весенней коллекции от кутюр. Ну а за прическу и макияж Ванесса, разумеется, заплатила больше, чем Нина – за свой наряд, который, впрочем, был вполне уместен для секретарской должности, но, пожалуй, куплен в магазине с умеренными ценами. Меня это нисколько не волновало, но Ванесса сразу задумалась. Нина начала нервно ломать пальцы. В итоге Ванесса пожала плечами и одарила Нину искренней дружелюбной улыбкой.

– Приятно познакомиться. Я рада видеть здесь друзей Адриана, особенно если удалось вытащить его в общество. – Ванесса недовольно надула губки (что, конечно, сотни раз отработывала перед зеркалом, дабы добиться максимальной привлекательности). – Где ты был? Ты прямо сквозь землю провалился!

– Сверхсекретное правительственное задание, – произнес я, постаравшись одновременно перекричать громкую музыку и придать своему голосу зловещий тон. Как ни странно, у меня это получилось. – Мне бы хотелось раскрыть перед прелестными дамами карты, но чем меньше вы будете знать, тем лучше. Ради вашей собственной безопасности. Считайте, что я забочусь о вас.

Обе возмущенно фыркнули, однако я был признан достойным гостеприимства, и Ванесса приглашающе махнула нам рукой.

– Налейте себе выпить и развлекайтесь. Уверена, что многие будут рады тебя видеть, Адриан.

Пока мы пробирались через толпу, Нина подалась ко мне:

– По-моему, я тут не к месту.

Я обнял ее за плечи, помогая миновать какого-то типа, который что-то рассказывал и размахивал руками.

– Не беспокойся. Эти ребята ничем не отличаются от вампиров, с которыми тебе доводилось сталкиваться.

– Все, с кем я раньше сталкивалась, не выбирали себе креветки, которые лежали на шикарном блюде из парадного сервиза, не чокались шампанским, – парировала она.

– Если говорить точно, это не креветки, а лангустины, – отозвался я. – Кстати, насчет сервиза... он точно не парадный.

Нина возмущенно закатила глаза, но не успела мне возразить: среди собравшихся уже разнеслось известие о возвращении Адриана Ивашкова. Мы с Ниной взяли по бокалу и уселись на шезлонги, расставленные возле декоративного пруда с карпами кои, и к нам хлынули желающие пообщаться. Среди них были мои приятели, с которыми я регулярно веселился до отъезда в Палм-Спрингс. Кое-кого привлекла завеса таинственности, окутывавшая мою персону. У меня никогда не было проблем с приобретением друзей, но «темное» прошлое подняло мой рейтинг так, как не смогла бы никакая другая выдумка.

Я намекнул им, что Нина тоже связана с духом, и не стал мешать остальным приходить к заключению, что она участвовала в таинственном деле, которое было поручено мне. Я намеренно знакомил ее с некоторыми наиболее пресными отпрысками монаршего рода, надеясь, что ей удастся приобрести пару-тройку хороших знакомств. Что до меня, то я опять начал играть давно забытую роль и почувствовал себя королем, отдыхающим под присмотром собственной свиты. За долгие годы я усвоил одну вещь: самоуверенность оказывает на других весьма мощное воздействие, и если ты держишься так, будто заслуживаешь внимания, тебе верят. Я шутил и флиртовал, как не делал уже много месяцев, – и был удивлен тем, насколько легко ко мне вернулись прежние навыки. Успех вскружил мне голову, но надо признать, что в отсутствие Сидни все казалось пустым. Вскоре я понял, что пью меньше, чем обычно. Как я ни ценил забвение, которое приносил мне алкоголь, я был твердо намерен поискать Сидни перед сном. А для этого необходима трезвость.

– Смотрите-ка, кто здесь объявился! – внезапно произнес голос, который я был не рад услышать. – Не думал, что у тебя хватит нахальства выйти в общество после прошлого раза!

И паршивец Уэсли Дроздов направился прямо ко мне в сопровождении своих прихлебателей, Ларса Зеклоса и Брента Бадики. Я сидел, демонстративно поглядывая по сторонам.

– Ты сам с собой разговариваешь? Не вижу зеркала поблизости. Имей в виду, ты сам вел себя не настолько ужасно. Не следует расстраиваться из-за маленькой неловкости.

– Маленькой? – переспросил Уэсли. Он сделал шаг вперед и сжал кулаки, но я не пошевелился. – Да ты знаешь, какие у меня были неприятности? – процедил он. – Отец нанял тучу адвокатов, чтобы меня отмазать! Он был в ярости.

Я состроил сочувствующую мину и громко произнес:

– Я бы тоже был в ярости, если бы какой-то человек надавал тебе оплеух. Ой, нет! Это же сделал я!

Уэсли поежился и принялся озираться по сторонам.

Вокруг нас быстро собрались зеваки, и, как в таких случаях бывает, к нам уже спешила хозяйка дома.

– Эй-эй! – воскликнула Ванесса. – Что здесь происходит?

– Ничего особенного, – ответил я, лениво улынувшись. – Вспоминаем прошлое, смеемся над глупой юностью. Между прочим, это всегда меня смешит.

– Знаешь, что смешит меня? – огрызнулся Уэсли и кивнул на Нину. – Твоя дешевка-подружка. Я ее уже видел. Она – секретарша у папы в приемной. Ты ей пообещал подобрать местечко получше, если она с тобой переспит?

Нина рядом со мной заметно напряглась, но я продолжал буравить взглядом Уэсли и его прихлебателей. Поначалу перепалка была просто досадной помехой, но теперь Уэсли пробудил в моем нутре не свойственный мне темный гнев. Глядя Уэсли в глаза, я во всех подробностях вспомнил тот вечер с Сидни, когда он со своими приспешниками собрался над ней надругаться. Мысли о том, как они собирались ее унижить, смешались с моим страхом перед неизвестной опасностью, с которой, возможно, она имеет дело прямо сейчас. Они слились воедино, заставив мою грудь сжаться от ярости и ужаса.

«Уничтожь их, – прошептала у меня в голове тетя Татьяна. – Заставь их заплатить».

Я приложил все силы, чтобы игнорировать ее и скрыть свои чувства.

Ухмыльнувшись, я сказал:

– Нет, что ты! Она здесь по доброй воле. Для тебя это в диковинку, если учесть твои отношения с девушками. Ванесса, ты подошла как раз вовремя! Уэс вроде бы собрался рассказать давнюю историю о «туче» адвокатов, которую его папочке пришлось нанять, чтобы замять одно его правонарушение. Он же с приятелями попытался побаловаться с гостьей королевы, с человеком, представляешь? – Я картинно взмахнул рукой. – Я тебя слушаю. Мне очень интересно, и я не буду больше тебя прерывать. Тебе разрешили оставить тот препарат, который ты хотел ей подсыпать? Ты мог бы использовать снадобье для того, чтобы окрутить какую-нибудь из присутствующих здесь леди?

Я отвернулся от Уэсли и преувеличенно подмигнул группе шокированных девушек, которые ахнули и захлопали ресницами. Я не сомневался, что поступок Уэсли не стал общественным достоянием. Он и сейчас не собирался откровенничать, когда решил повыпендриваться передо мной насчет прошлого и папенькиных адвокатов. Пусть многие морои и относятся к людям пренебрежительно, но «баловство» – спаивание человека (не донора, конечно) и недобровольное питье его крови – считалось в нашем кругу гадким грехом. Красивые люди были желанны тем подонкам, которые осмеливались на такое преступление, и во время своего приезда во дворец Сидни привлекла внимание Уэсли. Он вместе со своими дружками решил навести на нее морок, вообразив, что я буду им помогать. В результате я отбивался от банды вампиров увесистым суком, пока к нам не подоспели защитники.

В общем, я знал, что грязная история в дворцовую сводку новостей не попала. Злующее лицо Уэсли ясно об этом свидетельствовало.

– Ах ты, мерзавец!..

Уэс бросился на меня, но я предвидел атаку и держал духа наготове. Телекинез не относился к моим сильным сторонам, но был мне вполне доступен.

«Уничтожь его!» – требовала тетя Татьяна.

Но я отказался от чрезмерного зверства. Я мысленно направил одно из столь восхитивших Нину фарфоровых блюд в полет – прямо в физиономию Уэсли. Тарелка ударила его по уху, осыпав лангустинами и позволив мне добиться двоякой цели: причинить боль и унижить.

– Дешевый трюк воздушника! – прорычал Уэс, пытаясь рвануться ко мне.

Однако нападение оказалось смазанным, поскольку Уэс смахивал с себя лангустинов.

– А это? – спросил я.

Взмахом руки я заставил Уэсли остановиться. Уэсли тщетно напрягал все мышцы и хотел сдвинуться с места, чтобы заставить свои конечности двигаться, но энергия духа заблокировала парня. Воздушнику трудно добиться подобного эффекта: это было чертовски сложно даже для меня, поскольку я не совсем протрезвел и прибег к малоизученному дару. Но судя по потрясенным лицам окружающих, мой фокус вполне удался. Оно того стоило! Принуждение толпы невозможно, но правильно используемый дух способен сделать тебя притягательным.

– Помните, парни, как спрашивали меня, действительно ли я страшный и ужасный пользователь духа? – проговорил я. – Мой ответ? Да. И мне не нравится, когда такие уроды

издеваются над девушкой! И без разницы – человек она или морой! Поэтому если ты, Уэсли, хочешь обрести способность двигаться, то сперва попроси прощения у моей очаровательной подруги. А потом ты извинишься перед Ванессой за то, что испортил ей вечеринку, которая была замечательной, пока вы не заявили сюда и не пустили в расход блюдо с лангустинами.

Я блефовал. Для того чтобы удерживать жертву с помощью телекинеза, требуется огромное количество энергии, а мои объемы силы подходили к концу. Но Уэсли об этом не знал и жутко испугался перспективы остаться парализованным.

«И все? – возмутилась тетя Татьяна. – Не забудь, что он хотел сделать с Сидни!»

«У него ничего не получилось», – напомнил я ей.

«Это не имеет значения. Он пытался причинить ей боль! Он должен заплатить! Нечего пугать его магией духа! Размозжи ему череп! Пусть он помучается! Он мог ей навредить!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.